С 65
292

ОПИСАНІЕ

КРУШЕНІЯ КОРАБЛЯ

ИНГЕРМАНЛАНДА

2007043082

65
292

ОПИСАНІЕ

КРУШЕНІЯ

РОССІЙСКАГО 74-хъ ПУШЕЧНАГО КОРАБЛЯ

ИНГЕРМАНЛАНДЪ,

СЛУЧИВШАГОСЯ 30-го Августа 1842 года, въ Скагерракѣ, у Норвежскихъ береговъ, близъ маяка Оксъ-Э.

САНКПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФІИ К. ЖЕРНАКОВА.

1844.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
С. Петербургъ, Іюля 13-го дня, 1843 года.

Цензоръ П. Корсаковъ.

Библиотека имени В. И. Ленина
Р-5336-41

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ,

ГОСУДАРЮ ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ

КОНСТАНТИНУ НИКОЛАЕВИЧУ,

ГЕНЕРАЛЪ-АДМИРАЛУ,

съ чувствомъ глубокаго
благоговѣнія посвящаетъ
Сочинитель.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Принявъ на себя, по желанію почтенныхъ друзей автора, изданіе сочиненія его, содержащаго въ себѣ описаніе гибели Ингерманланда, представляемое нынѣ благосклонному вниманію публики, почитаемъ необходимымъ сказать нѣсколько предварительныхъ словъ.

Авторъ сего сочиненія, *Аполлонъ Ивановичъ Говоровъ*, былъ очевидцомъ бѣдствія, дѣятельнымъ участникомъ труда другихъ моряковъ, товарищей его при семъ бѣдственномъ случаѣ, и страдальчески заплатилъ тяжкою болѣзнью за спасеніе отъ смерти. Удержанный болѣзнью, онъ не могъ самъ надзирать за печатаніемъ своего сочиненія. Издавая его, мы не измѣняли простоты трогательнаго разсказа, и если вкрались притомъ ошибки, просимъ приписать ихъ въ вину намъ, а не автору.

Описывая событія, какъ частный очевидецъ, г-нъ Говоровъ не могъ входить въ многія подробности, безъ которыхъ однакожь разсказъ его не вполнѣ понятенъ.

Потому мы приложили въ началѣ оффиціяльное извѣстіе, какое издано было отъ морскаго начальства. Другія прибавленія составили: Изъясненіе словъ и терминовъ, употребленныхъ въ разсказѣ авторомъ, но малоизвѣстныхъ всякому не моряку; Списокъ Высочайшихъ наградъ, пожалованныхъ спасителямъ Ингерманландцовъ, и благодѣтельнымъ особамъ, оказавшимъ имъ радушный привѣтъ и пособіе; Списокъ офицеровъ Ингерманланда и пассажировъ, погибшихъ и спасшихся при кораблекрушеніи.

Желающіе могутъ отдѣльно отъ Описанія пріобрѣтать *четыре эстампа*, рисованные г-нъ Говоровымъ, и съ его рисунковъ литографированные Петербургскими художниками. Рисунки сіи поясняютъ разсказъ. Одинъ изъ нихъ изображаетъ бурю на 31-е Августа, и корабль при поворотѣ ударяющійся о камень. Второй корабль въ томъ положеніи, когда срубленная гротъ-мачта упала въ море. Третій затонувшій корабль, и людей, спасающихся на бизань-мачтѣ и бугшпритѣ. Четвертый — минуту спасенія....

По неразборчивости рукописи вкрались, хотя и немногія, опечатки. Важнѣйшая изъ нихъ на стр. 6, строк. 4 съ низу — вмѣсто: «до 28° 20′,» должно читать: «до 28, 20 дюймовъ. На стр. 32, вмѣсто: «кофеннагелемъ,» должно быть: «кофельнагелемъ.» — Вмѣсто: *бушпритъ*, мы вездѣ писали: *бугшпритъ*, и не считаемъ сего ошибкою, ибо такъ должно писать сіе слово, происходящее отъ Голландскаго: boegspriet (см. *Словарь* Рейфа, изд. подъ смотрѣніемъ Н. И. Греча, стр. 61).

С. Петербургъ.
Ноября 18 дня, 1843 года.

III.

СПИСОКЪ СЛУЖИВШИХЪ И ПАССАЖИРОВЪ НА КОРАБЛѢ ПИГЕРМАНЛАНДЪ, ВО ВРЕМЯ ПЛАВАНІЯ ЕГО ИЗЪ АРХАНГЕЛЬСКА ВЪ КРОНШТАДТЪ, ВЪ 1842 ГОДУ.

(Имена погибшихъ отмѣчены звѣздочкою).

Командиръ, капитанъ 1-го ранга, *Павелъ Михайловичъ Трескинъ.*

* Капитанъ-лейтенантъ, *Андрей Ивановичъ Истоминъ.*

ЛЕЙТЕНАНТЫ.

Яковъ Ивановичъ Васильевъ 6-й.
Дмитрій Ѳедоровичъ Сверчковъ.
Александръ Ивановичъ Дудинскій.
Александръ Якимовичъ Шигоринъ 1-й
Александръ Ивановичъ Дергачевъ.

МИЧМАНЫ.

* *Павелъ Якимовичъ Шигоринъ 2-й.*
Аполлонъ Ивановичъ Говоровъ 1-й.
Капитонъ Андреевичъ Бубновъ.
* *Александръ Петровичъ Абуховъ.*
* *Николай Захаровичъ Головачевъ.*
Николай Логиновичъ Половцовъ.
* *Владиміръ Ивановичъ Греве.*
* *Димитрій Петровичъ Лесли.*
Людвигъ Романовичъ Ренненкампфъ.

Коммисаръ 10-го класса, *Иванъ Никифоровичъ Андреевъ.*

ПРИКОМАНДИРОВАННЫЕ.

ЛЕЙТЕНАНТЫ.

* 24-го флот. экип. *Ѳедоръ Алексѣевичъ Андреевъ.*
* 8-го » » *Петръ Андреевичъ Назимовъ 2-й.*
* 19-го » » *Евгеній Андреевичъ Назимовъ 3-й.*

МИЧМАНЫ.

* 8-го флот. экип. *Димитрій Ивановичъ Аникѣевъ.*

21-го » » *Левкій Васильевичъ Ершовъ.*

6-го » » *Адріанъ Гавриловичъ Левинъ.*

КОРПУСА МОРСКОЙ АРТИЛЛЕРІИ.

* Штабсъ-капитанъ, *Андрей Михайловичъ Чевгуздинъ 1-й*

* Прапорщикъ, *Александръ Михайловичъ Чевгуздинъ 2-й.*

* Унтеръ-офицеръ, изъ дворянъ, *Александръ Безумовъ.*

КОРПУСА ФЛОТСКИХЪ ШТУРМАНОВЪ.

* Капитанъ, *Алексѣй Сергѣевичъ Воронинъ.*

* Прапорщикъ, *Иванъ Михайловичъ Замараевъ.*

КОНДУКТОРЫ.

* *Александръ Поткинъ.*

* *Филиппъ Рыдалевъ.*

* Штабъ-лекарь, *Александръ Степановичъ Саковичъ.*

* Священникъ *Василій Низарьинъ.*

Корпуса корабельныхъ инженеровъ, полковникъ, *Василій Артемьевичъ Ершовъ.*

* Ново-Двинскаго гарнизона цейхъ-вахтеръ *Меншиковъ.*

ПАССАЖИРЫ.

* Маіоръ 8-го рабочаго экипажа, *Илья Ивановичъ Зубовъ.*

* Поручикъ 7-го ласт. экип. *Василій Васильевичъ Ершовъ.*

* Отставной полковникъ корпуса морской артиллеріи, *Василій Михайловичъ Борисовъ.*

* Двѣ дочери его, дѣвицы *Надежда* и *Софья Васильевны Борисовы.*

Супруга командира корабля, *Марья Давыдовна Трескина.*

* Сестра ея, дѣвица *Елисавета Давыдовна Чаплинская.*

* Супруга лейтенанта Сверчкова, *Олимпіада Евграфовна Сверчкова.*

* Тетка ея, Елисавета Андреевна....

Въ первыхъ числахъ прошедшаго Сентября мѣсяца получено извѣстіе о гибели у береговъ Норвегіи 74-хъ пушечнаго корабля Ингерманландъ.

Первыя свѣдѣнія напечатаны были въ Готенбургской газетѣ: «Торговля и Мореплаваніе,» и перешли потомъ во многіе иностранные журналы, со всѣми догадками о причинахъ и обстоятельствахъ крушенія, болѣе или менѣе несправедливыми, и неподкрѣпленными никакими достовѣрными фактами.

Въ настоящее время, когда дѣло крушенія изслѣдовано со всею подробностью судебнымъ порядкомъ, и когда разсмотрѣны всѣ обстоятельства, сопровождавшія гибель корабля Ингерманландъ, предлагается здѣсь извлеченіе изъ донесенія слѣдственной Коммиссіи, на которую возложено было изслѣдованіе несчастія.

Изъ донесенія Коммиссіи оказывается:

74-хъ пушечный корабль Ингерманландъ, построенный въ Архангельскѣ, состоявшій подъ командою капитана 1-го ранга Трескина, снялся съ якоря 24-го Іюля, для слѣдованія въ Кронштадтъ, вмѣстѣ съ отрядомъ, состоявшимъ изъ транспортовъ Волга и Тверца. Начало плаванія было благополучное до 29-го Іюля. У Нордъ-Капа отрядъ встрѣтилъ противный вѣтеръ, продолжавшійся почти цѣлый мѣсяцъ, при суровой погодѣ и густыхъ

туманахъ. Сила вѣтра, почти во все время, принуждала имѣть зарифленные марсели, а иногда оставались даже подъ однимъ гротъ-марселемъ. При такихъ обстоятельствахъ плаваніе продолжалось до 21-го Августа. Отрядъ находился на высотѣ Мальстрема; тутъ вѣтеръ сдѣлался попутнымъ, и вскорѣ скрѣпчалъ до такой степени, что на кораблѣ, идущемъ по вѣтру, изорвало гротъ-марсель. Транспорты, имѣвшіе менѣе хода, отстали и скрылись, но уменьшить хода, для поджиданія ихъ, кораблю не было ни какой возможности.

26-го Августа, по Листерскимъ маякамъ, опредѣлено было мѣсто корабля; того же числа вечеромъ, отъ Линдеснескихъ маяковъ считали себя въ восьми миляхъ. Отсюда курсъ корабля былъ прямо на О. 27-го числа, по широтѣ, опредѣленной полуденною высотою солнца, оказалось, что корабль снесло на девять миль къ югу. Перемѣнили курсъ OtS, и потомъ на О, и увидѣли берегъ Ютландіи.

Между тѣмъ къ вечеру сего числа вѣтеръ сталъ заходить и свѣжѣть, почему вынуждены были лечь отъ берега и лавировать, что продолжалось отъ 29-го числа. Въ сей день, въ десять часовъ утра, опредѣлили мѣсто корабля по мысу Гиртхалсъ, въ глазомѣрномъ разстояніи двѣнадцати миль, на NW отъ мыса. Это былъ послѣдній пунктъ корабля, опредѣленный пеленгомъ. Отсюда не было другихъ способовъ опредѣленія мѣста корабля, кромѣ обыкновеннаго корабельнаго счисленія, которое однакожь всегда оставляетъ въ неизвѣстности о силѣ и направленіи теченія. Вѣтеръ продолжалъ дуть отъ ONO, жестокій, съ пасмурностью; на кораблѣ имѣли зарифленные марсели четырьмя рифами.

Въ десять часовъ вечера, полагая себя, по счисленію, въ 20-ти миляхъ отъ ближайшаго Норвежскаго берега, поворотили на лѣвый галсъ (къ Ютландскому берегу); ходъ корабля былъ прежній, т. е., отъ 2 до $2^1/_2$ узловъ въ часъ.

30-Августа, до разсвѣта, вѣтеръ скрѣпчалъ до такой степени, что волненіемъ на кораблѣ выломало гальюнъ.

Въ десять часовъ утра, по счисленію, предполагали себя отъ мыса Гиртхалсъ въ 16-ти миляхъ, на WNW¼W. Командиръ, въ избѣжаніе явной опасности, рѣшился, не подходя на видъ берега, поворотить на другой галсъ.

Къ повороту сему онъ побуждался тѣмъ, во первыхъ, что по густой пасмурности, не дозволявшей видѣть предметы иначе, какъ въ весьма маломъ разстояніи, подойдти ближе къ берегу было бы чрезвычайно рискованно; во вторыхъ, что курсъ корабля на другомъ галсѣ, долженствовавшій вести значительно ниже Линдеснеса на Норвежскомъ берегу, былъ предположительно самый безопасный при тогдашнихъ обстоятельствахъ; въ третьихъ, что увеличившаяся сила вѣтра заставляла думать, что и теченіе необходимо должно слѣдовать направленію вѣтра, и потому выносить корабль болѣе и болѣе на просторъ Нѣмецкаго моря; и наконецъ, въ четвертыхъ, что курсъ велъ корабль подъ защиту навѣтреннаго Норвежскаго берега, гдѣ волненіе не могло быть столь велико, и потому корабль спокойно, подъ штормовыми парусами, могъ выжидать благопріятной перемѣны вѣтра и погоды.

Буря между тѣмъ свирѣпствовала болѣе и болѣе; на кораблѣ сломало бигень-рей; для облегченія рангоута закрѣпили форъ-марсель, и корабль остался подъ зарифленнымъ гротъ-марселемъ и штормовою бизанью. Ходу было отъ 1 до 1½ узла

Около полудня 30-го Августа, навалившее съ навѣтра Голландское судно заставило корабль нѣсколько спуститься, чтобы разойтись и опередить его. Курсъ корабля отъ того не измѣнился, ибо по мѣрѣ того, какъ корабль спускался подъ вѣтеръ, дрейфъ его уменшался.

Въ восемь часовъ вечера, по порядку, принятому на флотѣ, счисленный пунктъ былъ положенъ на картѣ, и корабль отстоялъ отъ ближайшаго Норвежскаго берега

не менѣе 27-ми миль, почти въ срединѣ Скагеррака, нисколько не опасаясь близости берега, отъ котораго удалялъ его жестокій вѣтеръ, и по всему вѣроятію, соразмѣрное вѣтру теченіе, а потому курсъ остался прежній и ходъ былъ тотъ же.

Около десяти часовъ вечера, капитанъ-лейтенантъ Истоминъ (погибшій въ послѣдствіи) донесъ, что съ лѣвой стороны (съ подвѣтренной) видѣнъ огонь. Командиръ, выйдя на ютъ, и полагая, вмѣстѣ съ штурманомъ и другими офицерами, что огонь былъ на Голландскомъ суднѣ, приказалъ сжечь фалшфейеръ, но заключая по направленію видимаго огня, что предполагаемое судно, вѣроятно, идетъ контргалсомъ кораблю, и можетъ подвергнуться опасности сойтись съ нимъ, приказалъ изъ предосторожности поворотить черезъ фордевиндъ на другой галсъ. При исполненіи сего дѣйствія, когда поставленъ былъ фокъ-стаксель, и руль положенъ на бортъ, корабль три раза ударился о подводные каменья, не останавясь ни на одну минуту.

По счисленію, онъ находился отъ ближайшаго Норвежскаго берега не ближе 25-ти миль.

Такъ, какъ корабль на каменьяхъ не остановился, то невозможно было даже въ послѣдствіи съ точностью опредѣлить, о какіе именно каменья онъ ударился. По всему вѣроятію, видѣнный огонь былъ на маякѣ Окс-Э, лежащемъ на западной сторонѣ входа въ Христіанзандскій заливъ.

При первомъ ударѣ, по приказанію капитана, брошенъ былъ лотъ. Глубина оказалась въ 30 саженъ, Вслѣдъ за тѣмъ, ни лотомъ, ни дипломъ не могли достать дна. Посланный въ ту же минуту къ льялу офицеръ, донесъ, что полтрюма залито водою Не предвидя возможности спасти проломленный корабль, командиръ озаботился только употребить всѣ средства къ спасенію экипажа. Немедленно собраны были офицеры на шканцы, и общимъ совѣтомъ положено было идти въ бе-

2) обрубить на рострахъ и гребныхъ судахъ пайтовы;

3) гребныя суда стащить на шканцы и шкафуты, и положить въ нихъ компасы;

4) въ капитанской каютѣ подрубить бимсы юта, который тогда могъ бы служить плотомъ при погруженіи корабля, и

5) вынести на верхъ люки, трапы, и все то, что могло плавать и удерживать человѣка на водѣ.

Спасеніе знаменнаго флага поручено было мичману Шигорину 2-му, и ему, вмѣстѣ съ командою, назначено быть на катерѣ, висѣвшемъ съ лѣвой стороны на бокацахъ. Шкапечный журналъ корабля порученъ старшему офицеру Корпуса Штурмановъ, штабсъ-капитану Воронину, а экипажная денежная сумма лейтенанту Васильеву. На другія гребныя суда назначено было помѣстить офицеровъ и сколько возможно нижнихъ чиновъ; не забыты были также женщины и дѣти.

Корабль, погружаясь постепенно, около двухъ или трехъ часовъ ночи затонулъ до шкафута, но сверхъ чаянія не погрузился на дно. Люди стали на ростры, ютъ и гребныя суда. Въ то время священникъ, Василій Назарьевъ, (*) съ крестомъ и Святыми Дарами въ рукахъ, подошелъ къ работавшимъ людямъ, и самъ безтрепетно, съ христіанскимъ смиреніемъ встрѣчая угрожавшую всѣмъ кончину, приступилъ къ послѣднему утѣшенію погибавшихъ. Но едва успѣлъ онъ благословить команду, столь усердно старавшуюся о спасеніи корабля, и до конца хранившую примѣрную дисциплину и порядокъ, какъ нашедшій валъ сбросилъ его въ море, и съ нимъ увлекло многихъ другихъ, которые были тотчасъ поглощены волнами.

Послѣ того приказано было звонить въ колоколъ,

(*) Архангельскаго уѣзда, Тайвакурскаго прихода.

какъ единственное средство привлечь вниманіе судовъ, которыя могли быть въ близости.

Волненіе стало между тѣмъ переливаться чрезъ корабль, изломало гребныя суда, сдвинутыя съ ростръ на шкафуты и шканцы, перебило и снесло въ море множество людей. Старшіе офицеры были первыми жертвами. Всякое распоряженіе уже сдѣлалось невозможнымъ; каждый держался за что могъ; катеръ, висѣвшій на боканцахъ съ лѣвой стороны, опрокинуло, и всѣ бывшіе на немъ погибли въ морѣ, кромѣ мичмана Шпигорина 2. Завернутый въ знаменный флагъ, спасеніе котораго на него было возложено, онъ держался еще нѣсколько времени на гротъ-мачтѣ, за кормою корабля. Помощь подать ему не было никакой возможности. Вскорѣ, обезсилѣвъ совершенно, мичманъ Шпигоринъ исчезъ вмѣстѣ съ флагомъ.

Въ то время стало разсвѣтать, и берегъ былъ не ближе 15-ти, или 20-ти миль. На кораблѣ не оставалось уже ни какихъ способовъ къ спасенію людей.

Капитанъ, вмѣстѣ съ большею частью команды, находился на рострахъ. Два раза волнами онъ увлекаемъ былъ въ воду, и два раза вытаскиваемъ оттуда близъстоявшими людьми. Наконецъ, въ третій разъ, матросъ Бородинъ вытащилъ его на ютъ, изъ барказа, въ которомъ капитанъ едва не утонулъ. Но и ютъ уже въ то время былъ погруженъ въ воду по поясъ человѣка. Въ безпамятствѣ, потерявъ всѣ силы держаться, капитанъ снова упалъ за бортъ, откуда вытащенъ былъ въ изломанную, почти затонувшую шлюпку, людьми, терпѣвшими въ ней бѣдствіе съ лейтенантомъ Дергачевымъ. Пришедши въ память, и увидѣвъ, что шлюпка по банки въ водѣ, что люди на ней, едва живые, гребутъ пятью обломками веселъ, и веслом управляютъ вмѣсто руля, капитанъ дѣлалъ знаки, чтобы гичка, которая держалась въ то же время позади корабля, за срубленный рангоутъ, съ унтеръ-офицеромъ Сидоровымъ, перехвати-

ла ихъ. Однако помощь была невозможна; гичка не имѣла ни веселъ, ни ключинъ. Такимъ образомъ капитанъ-лейтенантъ Дергачевъ, и бывшіе съ нимн на полуразбитой шлюпкѣ люди, унесены были въ море.

Къ вечеру ихъ принесло къ берегу около Листерскихъ маяковъ. Тотчасъ дано было знать въ окрестности, что корабль не совсемъ затонулъ, и что на немъ много людей, ожидающихъ помощи.

Единственныя мѣста, гдѣ представлялась возможность спасенія, были ютъ, крюйсъ-марсъ, бизань-ванты, бакъ и бугшпритъ. На ростерахъ, шкафутахъ и шканцахъ, плавающія, изломанныя шлюпки и обломки рангоута грозили неминуемою гибелью каждому. Нѣсколько человѣкъ помѣстились въ восьми-весельную шлюпку, стоявшую поперегъ ростеръ у форъ-люка, которая хотя также была переломлена, но представляла нѣкоторую защиту отъ волнъ. На изломанной гичкѣ находился унтеръ-офицеръ Сидоровъ, съ нимъ одиннадцать человѣкъ и одна женщина. Долго они держались за плавающую гротъ-мачту подъ кормою; наконецъ, обезсилѣвъ совершенно, отдались на произволъ судьбы; ихъ понесло въ море.

Утромъ 1-го Сентября рыбаки перехватили затопувшую гичку, въ которой было уже четверо мертвыхъ. Восьмивесельная шлюпка, стоявшая поперегъ ростеръ, къ счастію для спасавшихся на ней, была привязана фалинемъ, который удержалъ ее на мѣстѣ.

Около восьми часовъ утра 31-го Августа къ кораблю подходили три лоцманскіе бота, которые однакоже, по сильному буруну около корабля, къ нему пристать не могли. Боцманъ Завьяловъ, находившійся съ нѣсколькими матросами на восьми-весельной шлюпкѣ, избравъ удобный моментъ, перерѣзалъ фалинь и огромный валъ перенесъ благополучно шлюпку чрезъ шкафутныя сѣтки, а одинъ изъ лоцманскихъ ботовъ успѣлъ къ ней подойдти и снять съ нея всѣхъ людей.

Около того же времени, унтеръ-офицеръ Василій Ѳедоровъ, созвавъ нѣсколько матросовъ, успѣлъ спуститъ за бортъ одинъ изъ плотовъ, составленныхъ прежде изъ люковъ. Но на него съ юта бросилось такое множество людей, что плотъ опрокинулся, и унтеръ-офицеръ Оедоровъ, съ 12-ю матросами, съ величайшимъ только усиліемъ могъ опять взобраться на него; остальные всѣ погибли. На этомъ плоту они носились по морю до 1-го Сентября, когда Англійское купеческое судно, шедшее мимо, увидѣло ихъ, но изъ 12-ти человѣкъ, находившихся на плоту, только 6 осталось живыхъ; прочіе умерли отъ холода и изнуренія. Вскорѣ нашли еще трехъ человѣкъ, спасавшихся на днищѣ корабельнаго барказа. Спасенныхъ доставили въ Гельсингеръ.

На срубленномъ, плывущемъ за кормою корабля рангоутѣ множество людей искало спасенія, но холодъ и изнуреніе были причиною гибели большей части изъ нихъ. Къ полудню 31-го Августа на рангоутѣ остались въ живыхъ только мичманъ Бубновъ, два матроса и одинъ канонеръ. Рангоутъ съ людьми отдѣлился отъ корабля и понесся волненіемъ въ море. До сумерекъ продолжалось отчаянное плаваніе. Только къ шести часамъ вечера подошелъ къ нимъ, увидѣвши ихъ, ботъ, принялъ почти окостенѣвшаго мичмана Бубнова и трехъ его товарищей, и въ тотъ же день доставилъ ихъ въ городъ Ставангеръ.

Между тѣмъ вѣтеръ утихалъ и волненіе мало по малу прекращалось. Около пяти часовъ по полудни, 1-го Сентября, къ погибавшимъ на кораблѣ прибыли два лоцманскія судна. Лейтенанты Сверчковъ, Васильевъ, Дудинскій и Шигоринъ 1-й, мичманы Половцовъ, Реппенкампфъ, Говоровъ, Ершовъ, Левинъ, и около трехъ сотъ человѣкъ нижнихъ чиновъ, были тотчасъ сняты безъ затрудненія на лоцманскія суда. Но на затопувшемъ кораблѣ оставалось еще до 150 человѣкъ нижнихъ чиновъ.

Для спасенія ихъ подходилъ Норвежскій пароходъ Нордъ-Капъ, высланный для спасенія погибающихъ еще въ ночь самаго крушенія, но по тщетности первыхъ двухъ попытокъ повторившій три раза отыскиваніе корабля. Пароходъ Нордъ-Капъ забралъ всѣхъ остававшихся на кораблѣ, и тѣмъ довершилъ спасеніе команды, которая, въ продолженіе слишкомъ двухъ сутокъ, испытывала всѣ ужасы несчастнаго кораблекрушенія.

По собраніи такимъ образомъ всѣхъ частей команды корабля Ингерманландъ, доставленныхъ изъ Норвегіи въ Кронштадтъ на транспортѣ Тверца, и на нанятомъ купеческомъ суднѣ Геба, оказалось, что всего спасено: штабъ-офицеровъ 2 (погибло 3), оберъ-офицеровъ 12 (погибло 17), унтеръ-офицеровъ 24 (погибло 23), музыкантовъ 6 (погибло 8), рядовыхъ 449 (погибло 304), деньщиковъ 1 (погибло 2), частныхъ служителей 1 (погибло 4), женщинъ 7 (погибло 21), и дѣтей 1 (погибло 7).

Изложивъ подробности вышепрописанныхъ обстоятельствъ, основанныя на показаніяхъ лицъ, участвовавшихъ въ несчастномъ крушеніи корабля Ингерманландъ, Коммиссія предложила себѣ слѣдующіе вопросы:

1) Произошла ли потеря корабля отъ несоблюденія командиромъ правилъ морскаго искуства?

2) Послѣ пролома корабля приняты ли всѣ возможныя мѣры къ спасенію опаго и команды?

3) Виновенъ ли командиръ въ отлученіи своемъ отъ корабля, и

4) дѣйствія офицеровъ и поведеніе команды были ли во всѣхъ отношеніяхъ согласны съ обязанностью каждаго изъ нихъ?

По 1-му вопросу.

Что капитанъ 1-го ранга Трескинъ не можетъ быть обвиненъ въ несоблюденіи того, что предпринять дол-

жно было по правиламъ морскаго искуства, и что крушеніе корабля приписать должно единственно несчастной случайности.

По 2-му вопросу.

Единогласныя показанія о принятыхъ въ семъ случаѣ мѣрахъ доказываютъ, что исполнено было все то, что только въ подобныхъ обстоятельствахъ предпринять было возможно.

По 3-му вопросу.

Показанія офицеровъ и нижнихъ чиновъ единогласно свидѣтельствуютъ, что командиръ не собственною волею покинулъ остатки корабля, съ коего упалъ онъ въ воду.

По 4-му вопросу.

Что офицеры и нижніе чины, всѣ безъ исключенія, вполнѣ исполняли свои обязанности, какъ повелѣвали долгъ службы и присяга, причемъ Коммиссія не могла не обратить вниманія на особо похвальное сохраненіе дисциплины и строгой подчиненности команды, чему въ подобныхъ случаяхъ столь рѣдкіе имѣются примѣры.

Въ заключеніе долгъ признательности требуетъ упомянуть еще, что Норвежское правительство и жители прибрежья оказали при семъ случаѣ все благородное и человѣколюбивое содѣйствіе къ спасенію и поданію помощи погибавшимъ.

Спасенные были призрѣны со всемъ радушіемъ, которое только можетъ быть внушено чувствомъ искренняго соболѣзнованія къ страждущему человѣчеству, и участіе, принятое Норвежскимъ правительствомъ и жителями береговъ въ судьбѣ погибавшихъ, конечно, останется навсегда въ памяти спасенныхъ, побуждая къ живѣйшей признательности всѣхъ вообще Русскихъ мореходцовъ.

Что касается до несправедливыхъ извѣстій о гибели корабля, напечатанныхъ въ Готенбургской газетѣ,

то въ опроверженіе ихъ достаточно будетъ сказать, что при дѣлѣ Коммиссіи имѣется письменное сознаніе самого автора статьи въ опрометчивости помѣщенныхъ имъ свѣдѣній, основанныхъ, какъ говоритъ онъ самъ, на первыхъ слухахъ, разнесшихся въ Христіанзандѣ, гдѣ онъ проѣздомъ пробылъ нѣсколько часовъ.

Кромѣ того, Коммиссія, при соображеніи возложеннаго на нее изслѣдованія, имѣла въ виду присланныя изъ Норвегіи письменныя показанія многихъ свидѣтелей, лоцмановъ и мореходцовъ, слѣдовательно, людей, которымъ мѣстность совершенно извѣстна.

Показанія ихъ служатъ единодушнымъ подтвержденіемъ тѣхъ трудностей, которыя должно преодолѣть мореплавателю при неправильномъ теченіи водъ въ Скагерракѣ, если только обстоятельства погоды воспрещаютъ видимыми предметами опредѣлить мѣсто свое.

Независимо отъ сихъ показаній есть еще при дѣлѣ свидѣтельства, что у сказанныхъ береговъ претерпѣли въ разное время крушеніе многія другія суда, бывшія въ такихъ же обстоятельствахъ, въ какихъ находился корабль Шгермапландъ.

Торжественно буря завыла; дымясь,
Изъ бездны кипучей гора поднялась,
И ангелъ-губитель по ярусамъ пѣны
Въ корабль уже входитъ, какъ ратникъ на стѣны.

Козловъ.

Тысяча восемь сотъ сорокъ второй годъ! Сколько мыслей, сколько воспоминаній толпятся въ головѣ моей при одномъ названіи 1842 года! Безмятежно встрѣтили его Архангельцы, и радостно ожидали его мы, переселенные волею Монарха на далекій сѣверъ.

Съ началомъ весны предназначено было совершиться плаванію 74-хъ пушечнаго корабля Ингерманландъ. Уже съ 30-го Августа 1840-го года росъ онъ исполиномъ на стапелѣ Архангельскаго Адмиралтейства, и въ 1842-мъ году назначено было ему явиться на Балтійскихъ водахъ и стать въ ряды Русскаго флота. Лестно было каждому, на кого падалъ выборъ исполненія воли Монарха, но за то много надобно было показать расторопности, много предлежало заботъ, трудовъ и соображеній оправдать выборъ.

Быстро пролетѣли два года пребыванія нашего на сѣверѣ. Въ Соломболѣ (предмѣстіи Архангельска) съ каждымъ днемъ все приходило въ большее движеніе. Военный портъ ежедневно съ ранняго утра оживлялся стукомъ и голосами работавшихъ. Жизнь кипѣла тутъ въ полномъ разгарѣ: готовились къ спуску корабля, и ждали только когда Сѣверная Двина сброситъ съ себя ледяные оковы и броситъ ихъ данью Бѣлому морю. Наступило 24-е Мая. Жители Архангельска двинулись толпами полюбоваться на спускъ морскаго красавца. Уже давно разгуливая толпами въ портѣ и по набережной, народъ ожидалъ появленія его на водѣ, но красавецъ медлилъ: еще не наставалъ часъ его, какъ будто трудно было ему проститься съ землею. Вотъ явился священно-служитель, совершилъ молебенъ, окропилъ корабль святою водою, и вотъ онъ, уже совсемъ готовый, ждетъ приказа. Все вокругъ стихло. Команда строителя: «Блоки вонъ!» пронеслась по эллингу; слышенъ стукъ, корабль вздрогнулъ и крѣпко оперся на подпоры — казалось, онъ противится волѣ человѣка, страшится выйдти на борьбу съ коварною стихіею, но раздалась вновь команда: «Подпоры вонъ!» и громкое *ура* привѣтствовало шумный натискъ великана. Зеркальныя воды Двины не устояли въ борьбѣ съ нимъ, и могучее дитя сѣвера, крѣпкій во всѣхъ частяхъ, заранѣе разцвѣченный флагами, сопровождаемый торжественнымъ гимномъ во славу Русскаго Царя, онъ показался на водахъ Сѣверной Двины. Не скоро смолкъ на берегу шумный восторгъ зрителей. Каждому, наперерывъ одинъ передъ другимъ, хотѣлось взглянуть на богатыря, и сотни шлюпокъ мгновенно окружили его. Веселье и радость видны были на всѣхъ лицахъ — спускъ былъ удачный. Веселъ былъ начальникъ новаго корабля, радостны бы-

ли мы, кому должно было совершить на немъ первую кампанію.

Едва отдѣлится корабль отъ берега, ему предстоитъ новое поприще: двѣ могучія стихіи, вода и воздухъ, становятся его противниками, но — гордись, мореплаватель: ты стоишь внѣ обыкновенной общественной жизни! Чѣмъ больше опасностей, тѣмъ больше славы, а въ безграничныхъ водахъ, гдѣ движется твое маленькое, подвижное царство, что шагъ, то готова опасность, и въ самыхъ ужасныхъ видахъ, недоступныхъ воображенію жителя земли. И если коварный спутникъ твой, вѣтеръ, перенесетъ тебя къ желанной цѣли, исполнитъ твои смѣлые, могучіе замыслы, свѣтъ прогремитъ славу твою во всеуслышаніе и завѣтный вымпелъ гордо полетитъ къ низу. Радостно, спокойно, почтенный общимъ уваженіемъ, проводишь ты годы въ кругу друзей-товарищей, и уже готовишься шагнуть на высшую ступень почестей, какъ вдругъ меркнетъ завѣтная звѣзда счастія, и коварный вѣтеръ, бывшій дотолѣ вѣрнымъ союзникомъ твоимъ, переходитъ на сторону другихъ. Ты твердъ — противоборствуешь измѣнику, вѣнокъ славы ждетъ побѣдителя! Но вотъ, коварный собираетъ послѣднія силы — дожди, смерчи, теченія, непроницаемая тма ночей, всѣ опасности, гдѣ безсильны умъ, отвага и силы человѣка, мгновенно окружаютъ тебя, и ты палъ, но палъ, сохраняя все достоинство своего назначенія! До послѣдней минуты былъ ты твердъ и непоколебимъ. Средп всеобщаго разрушенія, средп тысячи смертей, жертвуя собою, все вниманіе свое обращалъ ты на твою обязанность, и въ послѣднюю минуту гибели еще придумывалъ средства спасенія. Смерть разлучила тебя съ твоими спутниками — она пощадила тебя — ей страшно было погубить тебя. Ты спасенъ, но

въ мнѣніи свѣта погибли твоя прежняя слава, достоинства, честь. Не унывай—гордись заслуженнымъ названіемъ *моряка!* Богъ, Царь и свидѣтели общаго бѣдствія разсудятъ справедливо страшную борьбу твою, и ты станешь выше жребія людей обыкновенныхъ—ты былъ избранникъ рока.

Іюля 24-го, корабль *Ингерманландъ* и два военные транспорта, *Волга* и *Тверца*, назначенные для плаванія изъ Архангельска въ Кронштадтъ, составили одинъ отрядъ судовъ, подъ начальствомъ командира корабля, капитана 1-го ранга, Трескина 1-го. Быстро, подъ всѣми парусами понеслись они по волнамъ Бѣлаго моря. Недолго видѣли мы удалявшіеся берега Архангельска, и хотя сильно поднимала ихъ рефракція, взошедшее солнце лишило насъ зрѣлища ихъ. Настала морская жизнь и потекла своимъ строгимъ порядкомъ. Прекрасная погода, и по временамъ открывающійся западный берегъ Бѣлаго моря, удерживали многихъ на верхней палубѣ. Всѣ любовались ходомъ корабля и новыми перемѣнными видами.

Казалось, что прощальныя желанія Соломбольцовъ: «дойдти къ Кронштадта въ три недѣли,» должны были исполниться. Четверо сутокъ шли мы не менѣе восьми миль (или 14 верстъ) въ часъ. Погода вполнѣ благопріятствовала плаванію. Мы надѣялись, мечтали, предполагали, но предположенія наши нерѣдко бываютъ ошибочны.

Съ 29-го Іюля барометръ, часто мѣняясь и падая довольно низко, не позволялъ форсировать паруса. Мы ждали неблагопріятной погоды, или сильнаго вѣтра. Пройдя до 72° сѣверной широты при попутномъ вѣтрѣ, мы изъяснили перемѣну барометра въ нашу пользу, но ошиблись. Небо было совершенно чисто, а вѣтеръ, по-

степенно усиливаясь отъ юго-запада, наконецъ скрѣпчалъ до того, что мы принуждены были взять у марселей три рифа. Качка усилилась. По кораблю протянули въ палубахъ веревки, ибо безъ того невозможно было ходить. Но все еще ожидали мы счастливой перемѣны. Разсвѣтъ дня 1-го Августа лишилъ насъ всякой надежды. Солнце показалось не надолго, и только для того, чтобы скрыться потомъ отъ насъ на нѣсколько дней. Все небо обложилось облаками; начались дожди и туманы, часто разлучавшіе насъ съ транспортами. Къ полудню Августа 1-го жестокій вѣтеръ, срывая верхушки валовъ и дробя ихъ пылью, заставилъ насъ остаться подъ фокъ-стакселемъ и зарифленными гротъ-марселемъ и контръ-бизанью. Готовить пищу, какъ для команды, такъ и для офицеровъ, не было возможности. Раздавали сухую провизію. Двои сутки испытывали мы жестокость вѣтра и волненія. Корабль тащило бокомъ, и выгадать пять, или шесть миль въ сутки почитали большою удачею. Наконецъ немного смягчившійся вѣтеръ позволилъ прибавить парусовъ. Мы поставили всѣ марсели въ четыре рифа, и съ сего времени, за силою вѣтра, намъ рѣдко удавалось идти подъ двумя рифами. Почти тридцать дней вѣтеръ дулъ отъ юго-запада, рѣдко измѣняясь на два, или на три румба, и еслибы сила его не такъ часто перемѣнялась, то его можно бъ было назвать пассатнымъ. Самый сѣверный пунктъ плаванія доходилъ до 73° 41′ сѣверной широты.

Въ продолженіе трехъ недѣль мы видѣли на горизонтѣ только три купеческія судна. Они не шли, а летѣли къ цѣли своего плаванія, и съ какою завистью смотрѣли мы на счастливцовъ. Окрыленные парусами, они видѣли насъ идущихъ со спущенными брамъ-стенгами, подъ тремя, или четырьмя парусами. Выходя утромъ на

верхъ, на обычный вопросъ моряковъ: «Какъ вѣтеръ?» мы получали однообразный отвѣтъ: «Все тотъ же SW.» Ждали не стихнетъ ли онъ, ибо только послѣ сего надобно было ожидать перемѣны. Недогруженный корабль, безъ фальшъ-киля, не могъ много выигрывать лавировкою. Сильный вѣтеръ часто относилъ его столько же къ сѣверу, сколько накануѣ успѣвали мы подвинуться по надлежащему курсу. Въ двадцать дней, отъ параллели мыса Нордъ-Капа по Океану, гдѣ для корабля самая выгодная маневрировка, мы вылавировали только двѣсти миль, что при хорошемъ вѣтрѣ корабль можетъ пробѣжать менѣе сутокъ. Такая неудача нашего плаванія, вообще весьма рѣдко бывающая на водахъ Сѣвернаго Океана, заставила командира ограничить порцію воды: ее начали выдавать всѣмъ поровну, не исключая капитана, по одной кружкѣ, или по восьмой долѣ ведра въ день на человѣка. Соленая морская пища и непогода, казалось, должны были ослабить здоровье команды, особенно при множествѣ рекрутовъ и пассажировъ, но къ счастію и общему удивленію, изъ 900 человѣкъ, бывшихъ на кораблѣ, по рапортамъ число больныхъ не превышало десяти человѣкъ.

Такъ тянулись однообразно день за днемъ. Скука, болѣе или менѣе, дѣлалась общею нашею подругою. Августа 21-го, противъ чаянія нашего, мы были обрадованы штилемъ, всегдашнимъ предвѣстникомъ перемѣны. Корабль окрылился парусами, но вѣтеръ, загрывая съ разныхъ сторонъ, не надувалъ ихъ, и отъ качки корабля, они только хлопали по рангоуту. Вѣрный оракулъ нашъ, барометръ вдругъ упалъ къ вечеру до 28° 20′, и опытный капитанъ нашъ тотчасъ приказалъ убирать паруса. Въ нѣсколько минутъ мачты оспротѣли; все спущено къ низу. Корабль, готовый встрѣтить бурнаго

противника, остался подъ тремя марселями въ четыре рифа. Офицеры, собравшіеся на ютъ, недовѣрчиво посматривали на горизонтъ, и вотъ, около 6-ти часовъ вечера, на сѣверо-западѣ образовались густыя тучи и оттуда подулъ вѣтерокъ. Едва только успѣли мы спуститься на фордевиндъ, шумъ отъ сѣвера по горизонту возвѣстилъ приближеніе шквала. Для работъ всѣ сбѣжали съ юта на шканцы; спасти забѣгали; все затрещало — въ одно мгновеніе гротъ-марсель изорвало въ клочки; крюйсель-шхоты лопнули; нѣкоторые лисель-спирты, выскоча изъ бугелей и крутясь въ воздухѣ, грозили паденіемъ. Проливной дождь хлынулъ параллельно палубѣ — такъ силенъ былъ порывъ вѣтра; свѣтъ дня принялъ какой-то коричневый цвѣтъ; голосъ человѣка былъ задушенъ, и только оглушительный вой бури раздавался надъ нами. Побѣлѣвшій, какъ снѣгъ, океанъ разсыпался громадными валами спереди и сзади корабля, и поверхность его, казалось, сплылась съ мрачнымъ небомъ. Предсказанія барометра оправдались—начался штормъ. Наступившая ночь придала картинѣ еще болѣе ужаса. Неизобразимая фосфорическая игра воды невольно пугала насъ: при неимовѣрной качкѣ, когда корабль проходилъ между валовъ, казалось, что огненная масса двинется на насъ и однимъ ударомъ уничтожитъ все. Прошло нѣсколько часовъ, и на страшное явленіе природы мы смотрѣли уже обыкновеннымъ глазами, спокойно ожидая окончанія. Корабль, подъ однимъ форъ-марселемъ, зарывался въ волнахъ, и дрожа въ основаніи, летѣлъ по 13 миль въ часъ. Править рулемъ было невозможно. Рискъ корабля доходилъ до восьми румбовъ — положеніе было самое опасное. Корабль безъ фальшъ-киля, и на футъ, или полтора фута недогруженный отъ расхода воды и провизіи, страшно клало на бокъ, такъ,

что русленя погружались въ волны и крепъ доходилъ до 30 градусовъ. Въ теченіе двадцати часовъ нельзя было ни къ чему приступить. Очевидцы бурь Средиземнаго и другихъ морей говорили, что ничего подобнаго они не видывали. Къ полудню 22-го числа немного стихло. Послали прихватить гротъ-марсель. Килевая качка была непмовѣрно велика — стоя на ютѣ можно было видѣть, какъ форъ-марса-рей спускался подъ горизонтъ. Волненіемъ сорвало всѣ арматуры съ носоваго орла. Вѣтеръ, какъ будто хотѣлъ вознаградить насъ за долготерпѣніе. Въ четверо сутокъ добѣжали мы до Нѣмецкаго моря, и не смотря на всегдашнюю бурливость его, прошли имъ весьма благополучно. Ровнымъ вѣтромъ, 26-го Августа, вступили мы въ Скагерракъ, и ожиданія наши отдохнуть въ Копенгагенѣ, гдѣ надобно было остановиться за прѣсною водою, составляли шумный говоръ каютъ-компаніи. Уже мы заготовляли письма на родину. Всевышнему угодно было послать намъ еще одно, послѣднее испытаніе, и показать ничтожество всѣхъ земныхъ помысловъ.

Близъ Ютландскаго берега вѣтеръ быстро перешелъ къ востоку и сдѣлался противнымъ для входа въ Каттегатъ. Темнота осеннихъ ночей затрудняла лавировку. Трои сутки не имѣли мы обсерваціи. Безпрестанные дожди и туманы скрыли отъ насъ солнце, замѣнившееся десятками смерчей. Августа 29-го окружили они корабль со всѣхъ сторонъ, и какъ будто зловѣщіе предвѣстники чего-то недобраго, преслѣдовали насъ до самаго вечера. Потомъ, какъ будто по мановенію невидимой силы, всѣ смерчи вдругъ скрылись; вѣтеръ быстро засвѣжѣлъ, и мы, взявъ у марселей всѣ рифы, по возможности удерживали свое мѣсто.

Ночь на 30-е Августа была весьма безпокойна. Силь-

ные удары волнъ прерывали сонъ нашъ. Однимъ валомъ сорвало галюнъ съ правой стороны, и ударъ былъ такъ силенъ, что на кораблѣ всѣ встрепенулись. Узнавъ о причинѣ общей тревоги, мы думали снова успокоиться, но тревожныя грезы отгоняли сонъ. Вѣтеръ безпрестанно обрывалъ на кораблѣ либо то, либо другое, и продолжалъ свирѣпствовать.

Непроницаемый туманъ не позволялъ намъ спуститься ни въ какой портъ. Наступившій день праздника св. Александра Невскаго встрѣтили по морскому: отслужили молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ; офицеры замѣняли пѣвчихъ, но многолѣтіе порфирородному именинннику не сопровождалось пушечною пальбою, и замерло въ сердцахъ Нѣмцовъ, ибо сильный вѣтеръ не позволялъ намъ громомъ орудій возвѣстить чуждому морю радость и усердіе Русскихъ.

Молча поздравляли мы другъ друга съ царственнымъ именинникомъ. Пиръ и обѣдъ каютъ-компаніи ограничились скромнымъ пирогомъ, ибо провизія офицерская въ семь недѣль плаванія кончилась, и мы пользовались матросскою, но при сильной качкѣ въ теченіе двухъ сутокъ мы не могли даже ничего варить.

Часто попадавшіяся купеческія суда весьма озабочивали командира. По всему кораблю разставили часовыхъ; баковые офицеры лично участвовали въ сей обязанности.

Медленно тянулся день 30-го Августа. Какое-то необыкновенное, безотчетное уныніе поселилось въ каютъ-компаніи, и удивляясь общей молчаливости, мы сами не понимали, что могло насъ такъ сильно тревожить. На распорядительность и осторожность капитана вполнѣ мы полагались. Малѣйшій случай не оставался безъ вниманія его. Съ 1-го Августа едва удавалось ему вздрем-

нуть. Темнота ночи и непогода безпрестанно вызывали его изъ каюты; нерѣдко разсвѣтъ дня заставалъ его еще на палубѣ. Опытность нашихъ штурмановъ еще болѣе обнадеживала насъ безопасностью. Чтожь такое было причиною нашей грусти? Что могло наводить такую страшную тоску, и именно въ день 30-го Августа?

Ни чей умъ не разгадаетъ намъ тайнаго волненія души и ея предвѣдѣній — ей одной, безсмертной части нашего существа, доступна будущность предчувствіемъ.

День прошелъ. Смеркалось недолго, и ночь мгновенно набросила свое мрачное покрывало на весь Скагерракъ. Темнота была столь велика, что въ двухъ шагахъ ничего не было видно. Ревущій отъ востока вѣтеръ дулъ сильными порывами и рвалъ снасти. Мы едва успѣвали перемѣнять ихъ. Шхентеля фокъ-стаксель-шхотовъ рвало одинъ за другимъ.

Вѣтеръ отъ ONO продолжался уже трои сутки, и мы могли полагать, что скоро перемѣнится онъ въ нашу пользу, тѣмъ болѣе, что Скагерракъ извѣстенъ своими непостоянными вѣтрами.

Въ 8-мь часовъ вечера 30-го Августа опредѣлено было мѣсто корабля, по счисленію, въ 27-ми Итальянскихъ миляхъ, то есть почти въ 50 верстахъ отъ ближайшаго берега Норвегіи. Мы шли правымъ галсомъ на NtW, и считая до пяти румбовъ дрейфа и два румба склоненія компаса, выходило, что корабль шелъ къ W, то есть, на выходъ въ Нѣмецкое море, по одной, или по полторы мили въ часъ. По курсу не было никакихъ опасностей, и командиръ положилъ поворотить на лѣвый галсъ въ полночь.

Насталъ десятый часъ по полудни. Въ каютъ-компаніи общество офицеровъ, по прежнему скучное, послѣ ужина составило небольшую бесѣду, но разговоръ былъ

безъ связи. Вдругъ торопливо вбѣжалъ въ каютъ-компанію штурманскій капитанъ Воронинъ. — «Что такое?» — «Что новаго?» — спрашивали мы. «Открылся огонь» — отвѣчалъ онъ, и обратясь къ лейтенанту Васильеву, сказалъ: «Позвольте мнѣ ночную вашу трубу — хотятъ поворачивать, да это должно быть судно, а маяка никакого тутъ быть не можетъ!» — Взявъ трубу, Воронинъ побѣжалъ на верхъ. Бесѣда наша прекратилась. Одни разошлись по каютамъ; другіе изъ любопытства вышли на верхъ. Съ полночи мнѣ доставалась очередь на вахту, а потому я спустился на кубрикъ, и только что было прилегъ, но еще не успѣлъ сомкнуть глазъ, сильнымъ сотрясеніемъ корабля сбросило меня съ койки на палубу. Перегородки затрещали. Корабль повалился на лѣвый бокъ. На ногахъ невозможно было стоять—все тронулось съ мѣста — вещи попадали. Послѣдовало пять, или шесть ударовъ въ подводную часть корабля, прямо подъ офицерскими каютами, съ лѣвой стороны. Встревоженные внезапностью, мы спрашивали другъ друга, что такое случилось? Одни говорили, что мы сошлись съ судномъ, а другіе, что мы ударились о камень. То или другое—разсуждать было некогда — надобно было бѣжать на верхъ. Набросивъ на себя что попало подъ руку, безъ фуражки, въ безпорядочномъ одѣяніи, выбѣжалъ я изъ каюты и ужасъ мой увеличился: на кубрикѣ отъ канатовъ къ кормѣ, четырехъ каютъ сряду, какъ будто не бывало! Щиты, стулья, офицерскія вещи —все смѣшалось, и тревога сдѣлалась общею.

Спавшая половина команды, или подвахтенные, соскочивши съ коекъ, были въ какомъ-то недоумѣніи. Авральный голосъ вахтеннаго лейтенанта: «Къ помпамъ! Живо! Койки долой!» двинулъ всю эту остолбенѣвшую толпу, и пронзительные свистки урядниковъ (унтеръ-

офицеровъ) залились пѣснею тревоги. Выбѣжавъ на верхъ, я нашелъ тамъ командира и уже всѣхъ собравшихся около него офицеровъ. На шканцахъ дѣлались распоряженія, но темнота была ужасная; весь корабль освѣщался только двумя, или тремя фонарями. Мерцающій на горизонтѣ огонекъ виднѣлся съ лѣвой стороны.

Мичманъ Половцовъ, посланный узнать о прибыли воды, донесъ, что съ первымъ ударомъ трюмъ наполнился до половины. Чрезъ нѣсколько минутъ офицеры разбѣжались по назначеннымъ отъ командира мѣстамъ, кто къ помпамъ, кто къ доставанію парусовъ и канатовъ, кто принялся готовить шлюпки, топоры для срубки мачтъ. Чтобы дать знать о постигшемъ насъ бѣдствіи, артиллеристамъ велѣно было палить и жечь фальшфейеры, а штурманамъ поручено, на случай спасенія на шлюпкахъ, забрать путевой журналъ и необходимыя карты и инструменты. Къ знаменному флагу назначены были старшій мичманъ Шигоринъ 2-й и унтеръ-офицеръ Арзамасскій, которымъ однакожь приказано было не трогать его съ мѣста до самой послѣдней крайности, дабы тѣмъ не лишить бодрости команду. Сундукъ съ денежной суммою предоставленъ былъ для спасенія экипажному адъютанту, лейтенанту Васильеву. Дежурный капитанъ-лейтенантъ Истоминъ и вахтенные офицеры оставались для распоряженій на верху. Бросили лотъ — глубина была 30-ть сажень. Въ слѣдъ за тѣмъ отдали одинъ за другимъ два якоря (плехтъ и даглистъ), но корабль не задержало, и чрезъ пять минутъ лотомъ уже не доставали дна. Немедленно приступили къ откачиванію воды. Помпы, ведра, артиллерійскія кадки, баки, кивера, даже барабаны, все — было употреблено для сей важной работы, но пользы было немного: вода замѣтно наполняла кубрикъ. По совѣту капитана съ офицерами

положили идти въ берегъ, и тѣмъ поставить, если будетъ можно, корабль на мѣль, а какъ не было возможности взять для того настоящій курсъ, ибо руль при первыхъ ударахъ сорвало съ крючьевъ и переломило на двое у самаго румпеля, то и поставили форъ-трисель, надѣясь тѣмъ уклонить корабль подъ вѣтеръ. По темнотѣ ночи, крутизнѣ Норвежскихъ береговъ и незнанію настоящаго мѣста разбитія, почтено предпріятіе довольно опаснымъ, а потому чрезъ полчаса форъ-трисель опять убрали. Я сказалъ, что приступили и къ доставанію парусовъ, думая подвести ихъ подъ корабль, но прибывающая вода и разломавшаяся паруспая каюта едва дали возможность вытащить только половину грота. Принуждены были эту, мѣшавшую дѣйствовавшимъ у кетепсъ-помпъ работу, совсемъ оставить. Распоряжаясь тогда откачиваніемъ воды изъ капитанскаго погреба, я хорошо видѣлъ, что корабль долженъ немедленно пойдти ко дну, и почелъ нужнымъ доложить о быстрой прибыли воды. Выбѣжавъ на верхъ, нашелъ я тамъ все довольно спокойнымъ. Люди почти всѣ работали внизу; на мачтахъ не было ни одного человѣка. Корабль такъ сильно наклонило на лѣвую сторону, что казалось, скоро его совсемъ опрокинетъ. Капитанъ приказалъ рубить гротъ-мачту. Было около полуночи. Едва надрубили талрепы павѣтренныхъ гротъ-вантъ, раздался крикъ: «Берегись! Берегись!» и въ одно мгновеніе фальшфейеръ погасъ, настала тма, громкій трескъ возвѣстилъ паденіе мачты и корабль сталъ прямѣе. Мачта сломилась фута на четыре отъ палубы, но срубленный конецъ ея оставался на бортѣ, задержанный подвѣтренными вантами и крюйсельными спастями. Эти спасти очищали свободно, но надобно было освободить мачту отъ вантъ. Никто не рѣшался идти для того на подвѣ-

трепные русленп, уже бывшіе въ водѣ. Мичманъ Греве показалъ здѣсь большое присутствіе духа и отвагу: съ топоромъ въ рукахъ, перевязанный концомъ веревки, онъ бросился на лѣвый русленъ, и безпрестанно покрываемый волнами, перерубилъ почти всѣ подвѣтренные талрепы. Гротъ-мачта свалилась за бортъ, и крепъ корабля значительно уменьшился, хотя отъ всѣхъ спастей мачта была освобождена потомъ часа черезъ два. Срубивъ мачту, отдали по приказанію командира третій якорь, но онъ повисъ лапою на подушкѣ. Отдали четвертый—онъ полетѣлъ въ воду и вытянулъ за собою весь канатъ до его закрѣпленнаго, внутренняго конца (до жвака-галса). Думали, что якорь задержитъ корабль, но ошиблись, ибо онъ повисъ не доставая дна—въ то время уже и лотъ-лотомъ нельзя было измѣрить глубины. Видя, что надежда на якорь не сбылась, мы обратили всѣ наши старанія только на то, какъ поддержать корабль до разсвѣта. Команда работала съ неимовѣрнымъ усиліемъ. Стоя на кубрикѣ по грудь въ водѣ, люди не покидали своихъ мѣстъ до послѣдней невозможности. Сила являлась необычайная: кто повѣритъ, что двѣнадцативесельный катеръ, въ 30 футовъ длиною и 8 футовъ шириною, стоявшій въ барказѣ, въ страшной темнотѣ, при качкѣ и креnѣ, перенесли на рукахъ на шканцы и утвердили тамъ на подпорахъ. Спустить гребныя суда обыкновеннымъ образомъ было невозможно, даже и тогда, когда стояла еще мачта, потому что отъ сильнаго крена нельзя было заложить нокъ-талей, а спустить ихъ, или столкнуть прямо за бортъ, какъ въ подобныхъ случаяхъ дѣлается, не позволялъ сплошной бортъ на шкафутахъ. Потому обрубили только шлюпочные найтовы и приготовили паруса и весла. Крепъ корабля увеличился до 30 градусовъ. Начали выбрасывать пушки, ядра, ба-

ластъ, и всевозможныя тяжести перетаскивали въ палубахъ на правую сторону. Корабль еще немного выпрямился, но уже сѣлъ въ воду замѣтно глубже. Сильнымъ волненіемъ вышибло задрайки изъ клюзовъ; вода яростно бросилась черезъ нихъ въ корабль. Артиллерійскій унтеръ-офицеръ Баевъ, съ нѣсколькими матросами, началъ было заколачивать отверзтія койками и разными вещами, но старанія ихъ не принесли никакой пользы.

Фокъ-мачта сильно отягощала корабль. Надлежало пожертвовать ею. Мнѣ суждено было сдѣлаться исполнителемъ воли командира. Онъ подозвалъ меня къ себѣ. Все приказаніе его ограничилось нѣсколькими словами, крѣпко врѣзавшимися въ память мою: «Ступайте рубить фокъ-мачту. Помните, что остался только одинъ фальшфейеръ. Скорѣе рубите съ лѣвой, а потомъ уже съ навѣтру.» — Болѣе ни слова и прочія распоряженія его были для другихъ. Хладнокровію и присутствію духа нашего начальника нельзя было не удивляться. Непостижимо, какъ могъ онъ казаться спокойнымъ въ такія страшныя минуты. Для 900 человѣкъ корабельнаго экипажа, ему, какъ начальнику, предстояло изыскать средства спасенія, и первымъ орудіемъ для того избралъ онъ хладнокровіе. Приказанія его были безъ повтореній. Бросившись на бакъ къ фокъ-мачтѣ, я приготовилъ топоры и по спросу со шкапецъ: рубить ли талрепы? приступилъ къ дѣлу; фальшфейеръ вспыхнулъ въ рукахъ офицера на ютѣ и озарилъ паденіе фокъ-мачты. — Блѣдный, мертвенный свѣтъ фальшфейера казался мерцаніемъ погребальнаго факела. Обѣ мачты были срублены такъ счастливо, что паденіемъ своимъ не причинили никакого вреда. Дабы имѣть понятіе о трудности дѣла, довольно сказать, что вышина корабельной мачты отъ воды до

кнопика около 25 саженъ, и она обременена реями, изъ которыхъ главная въ 14 саженъ длины.

Кончивъ свое дѣло около фокъ-мачты, я побѣжалъ доложить командиру. Онъ стоялъ съ нѣсколькими офицерами и совѣтовался о спасеніи экипажа. Придумывали многое, но все оказывалось тщетно. Вѣтеръ уничтожалъ всѣ замыслы и предпріятія. Мы ждали помощи съ берега отъ лоцмановъ, полагая, что пушечная пальба наша обратитъ вниманіе жителей. Мы сдѣлали изъ 24-хъ-фунтовыхъ орудій около двухъ сотъ выстрѣловъ, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ послѣ краткаго промежутка времени. Съ минуты удара до полуночи жгли безпрестанно фальшфейеры. Воображеніе рисовало намъ суда, идущія съ берега, но то былъ обманъ зрѣнія. Насъ несло по вѣтру, поворачивая, то носомъ, то кормою къ маяку. Онъ исчезъ наконецъ изъ вида. Фальшфейеры были всѣ сожжены—настала ужасная тма, и мы молили Бога, да продолжитъ онъ сохраненіе наше хотя до разсвѣта.

Слова, услышанныя тогда мною подъ ютомъ, были для меня громовымъ ударомъ: «Ну, господа,» говорилъ полковникъ Ершовъ, строитель Нигерманланда, плывшій на немъ въ Петербургъ, «я уже пожилъ довольно на бѣломъ свѣтѣ. Мнѣ себя не жаль, а жаль васъ, молодыхъ людей, такъ рано оставляющихъ жизнь.»—Слова маститаго старца зажгли уже охладѣвавшую душу. Вспомня объ отцѣ, сестрахъ, родныхъ, близкихъ сердцу, я затрепеталъ; слезы градомъ невольно покатились изъ глазъ моихъ. Поцѣловавшись съ товарищами и перекрестившись, опять бросился я въ жилую палубу, и пробѣгая офицерскій трапъ, спросилъ у часоваго: которая стклянка? — Какъ вполнѣ Рускій, часовой стоялъ неподвижно на своемъ посту, и преспокойно въ ту минуту закричалъ:

«Бить на бакѣ четыре стклянки!» Это значило два часа ночи...

Часу въ первомъ священникъ корабля, Василій Назарьинъ, по просьбѣ больныхъ, началъ причащать ихъ Св. Тайнъ, въ одной изъ офицерскихъ каютъ. Къ нему входили по одному, и окончивъ таинство причащенія, каждый оставлялъ каюту готовымъ предстать на судъ Всевышняго. Женщины, собравшись предъ образомъ св. Николая Чудотворца, смиренно возносили молитвы къ святому заступнику; другія, съ дѣтьми и грудными младенцами, были въ каютъ-компаніи. Вода, залившая до половины жилую палубу, привела ихъ всѣхъ въ ужасъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ возбудила въ командѣ невообразимое самоотверженіе. Кетепсъ-помпы не приносили уже никакой пользы, ибо корабль погрузился до нижней палубы и вода влилась въ него черезъ шпигаты, которые безполезно пытались заколачивать; въ отверзтіе отъ изломаннаго руля вода полилась шумнымъ каскадомъ. Начали задѣлывать его чѣмъ попало, и здѣсь съ изумительнымъ хладнокровіемъ дѣйствовалъ конопатчикъ Чебыкинъ, стоявшій по горло въ водѣ. Къ сожалѣнію, онъ сдѣлался жертвою своего усердія. Надобно было прибавить отверзтій для выкачиванія воды изъ палубъ. Люковъ для сей необходимой работы было свободныхъ только пять, и притомъ вода, выкачиваемая изъ батарейной палубы помпами и другими средствами, возвращалась въ жилую. Прорубили палубы и чрезъ сіи отверзтія значительно усилили откачиваніе. Выплывавшій изъ люковъ грузъ загромождалъ ихъ совершенно. Надобно было все очищать, и послѣ того едва можно было почерпнуть нѣсколько ведеръ, но и при такихъ затрудненіяхъ не успѣвали съ верху подавать пустыя ведра и кадки, привязанныя на шхерты.

Офицеры, участники общей работы, являли командѣ достойные примѣры хладнокровія, рѣшительности и мужества. Повиновеніе Русскихъ матросовъ являлось, въ полномъ смыслѣ слова, примѣрнымъ. На грозившее имъ бѣдствіе они смотрѣли хладнокровно, и съ крикомъ *ура*, казалось, всѣ готовы были противостать самой природѣ. Старые матросы старались ободрять рекрутовъ. Но минута гибели уже наступала и никакія средства не могли отвратить ее. Помнутно спрашивали: который часъ? и торопили поворачивать стклянки, какъ будто тѣмъ можно было приблизить разсвѣтъ дня. Любовь къ жизни выражалась громкими молитвами, хотя никто не торопился спасаться. «Вмѣстѣ служили, такъ вмѣстѣ и умремъ,» раздавалось по всему кораблю, и никто не оставлялъ своего мѣста, и работа, какъ говорится, кипѣла подъ неслабѣющими руками. Безпрерывно увеличивавшаяся опасность, какъ будто уже не страшила никого, и работа продолжалась, когда корабль, довольно неподвижный до сихъ поръ, вдругъ страшно задрожалъ — послышался трескъ — палубы погнулись, приподнялись на срединѣ—конецъ всему! Вода быстро прибыла фута на полтора. Громогласное: *Господи помилуй!* послышалось изъ устъ истомленныхъ страдальцовъ. Всѣ, какъ будто окаменѣли. «Брось все! Пошелъ всѣ на верхъ!» раздалась команда, и всѣ съ громкимъ *ура* рипулись въ послѣднюю борьбу съ смертью. Алчная стихія, хлынувши въ нѣсколько проломленныхъ бортовъ корабля, жадно схватила нѣсколько обреченныхъ жертвъ.

На верху люди садились по шлюпкамъ, но за малою вмѣстительностью ихъ, лѣзли всюду, куда могли — ютъ, бизань-мачта, бугшпритъ, все было загромождено людьми въ нѣсколько минутъ. Настало мгновеніе ужасное —

неизобразимая тишина, какъ будто предсмертный часъ приготовленія къ смерти. Всѣ едва переводили дыханіе. Служитель вѣры, съ крестомъ въ рукахъ, осѣнялъ на всѣ стороны, и молитвы на разныхъ языкахъ неслись къ престолу Божію. Вода страшно забушевала въ батарейной палубѣ. Корабль началъ трещать и валиться, то на право, то на лѣво, и наконецъ остановился прямо. Вѣтръ свирѣпствовалъ по прежнему. Вдругъ корабль наклонился на лѣво—вздрогнулъ—мгновеніе, и «онъ погрузится!» думалъ каждый. Все смолкло—наступило торжество религіи — всѣ сняли фуражки. Священникъ, въ истинномъ величіи своего сана, напутствовалъ насъ отходною молитвою въ жизнь вѣчную, и въ слѣдъ за тѣмъ шумное *ура* нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, казалось, хотѣло заглушить ревъ вѣтра, и шумъ буруна, свирѣпствовавшаго внутри корабля.

Не думаю, чтобы кромѣ моряковъ, кто нибудь могъ въ жизни своей испытать минуту торжественнѣе и страшнѣе кораблекрушенія. Въ самомъ бѣшеномъ пылу сраженія человѣкъ щадитъ своего ближняго, и храбрость, обращая на себя вниманіе противника, ограждаетъ отъ гибели. На землѣ бѣдствующій находитъ спасеніе въ другихъ, изобрѣтаетъ средства, и укрѣпясь хладнокровіемъ и твердостью духа, изъ всего извлекаетъ себѣ помощь. Но на морѣ, въ бурю, во время гибели корабля самыя средства спасенія обращаются на пагубу. Въ изступленіи погибающій хватается за все, что попадется подъ руку, ищетъ средства избавленія въ обломкѣ дерева, въ оторванной веревкѣ, въ осколкѣ доски, и тѣмъ скорѣе увлекается въ пучину моря. При совершенной безнадежности на спасеніе, всѣ ужасы томительнаго ожиданія смерти, всѣ примѣры страшной по-

гибели — вотъ что предстояло намъ испытать, умирая среди истязаній душевныхъ и тѣлесныхъ.

Но такъ сильна въ человѣкѣ любовь къ жизни, что я напрасно употребилъ слово: «безнадежность на спасеніе»—нѣтъ, и на краю влажной, бездонной могилы надежда не оставляетъ человѣка и онъ не оставляетъ мысли о спасеніи. Когда раздалось громкое *ура* погибавшихъ, заглушаемое ревомъ водяныхъ столбовъ, вырвавшихся изъ всѣхъ люковъ и отверзтій палубъ, это было вѣрнымъ признакомъ, что корабль идетъ на дно моря. Взоры всѣхъ обращались на корабельные борты, гдѣ разстояніе воды отъ сѣтокъ замѣтно уменьшалось. Волны бурупомъ начинали перекатываться черезъ лѣвый бортъ. Каждый изъ насъ держался за что могъ. Схватившись за бортъ катера и его банку, я накрылся угломъ брезента — утопающій хватается за соломенку.

Среди общаго ужаса, мы ждали слѣдующаго буруна, и онъ не замедлилъ. Ударъ волнъ въ правый бортъ наклонилъ корабль налѣво, и мгновенно огромный бурунъ прокатился по нашимъ головамъ; наполнивши водою барказъ, онъ ударилъ въ капитанскій катеръ; подставки выскочили, катеръ упалъ на бокъ, и — праваго борта его, какъ будто не бывало! Люди посыпались за бортъ корабля; нѣкоторыхъ волною отбросило къ барказу — въ числѣ ихъ былъ и я. Переведя дыханіе и опомнившись, я очутился на плавающихъ запасныхъ рострахъ. Подлѣ меня были командиръ корабля, его супруга, капитанъ-лейтенантъ Истоминъ, лейтенантъ Васильевъ, и множество матросовъ и ихъ женъ съ младенцами на рукахъ. Страдальческій крикъ малютокъ былъ непродолжителенъ; однихъ матери роняли въ воду, другихъ вырывало волненіемъ изъ рукъ и давило въ общей тѣснотѣ. Раздалось еще *ура* — шкафутъ и шканцы по-

грузились въ воду; одинъ ютъ былъ еще на поверхности воды— всѣ бросились туда. Но какъ перебраться? Обломки рангоута, перепутанныя снасти, вещи, выплывшія изъ палубъ, лишали всякой возможности помыслить о подобной переправѣ, но въ ту минуту, минуту страшной смерти, умы наши были темны, какъ тма еще продолжавшейся ночи. Волны, перекатываясь черезъ корабль, уносили съ каждымъ разомъ по нѣскольку жертвъ. Двѣнадцати-весельный катеръ, полный народомъ, выбросило за бортъ, и грозный Скагеррakъ съ шумомъ похоронилъ всѣхъ бывшихъ на катерѣ въ своей бездонной могилѣ (*). Только пять, или шесть человѣкъ успѣли ухватиться за мачту. Еще волна и люди повсюду разбросаны; вездѣ плаваютъ трупы, или изувѣченные, полуживые несчастливцы. Окаменѣлое сердце злодѣя содрогнулось бы при видѣ разнообразныхъ смертей. Помню одно событіе — оно было невыразимо ужасно: старшая дочь полковника Борисова, при переходѣ на ютъ, что удавалось изъ десяти одному, запуталась косою въ желѣзной ключинѣ изломаннаго барказа, выброшеннаго съ ростръ на шканцы и погубившаго однимъ ударомъ нѣсколько десятковъ людей; рангоутъ билъ всѣхъ, находившихся подлѣ несчастной Борисовой. Она долго рвалась и кричала, а между тѣмъ за нее схватились другіе погибавшіе. Совершенно избитая, обезображенная, выбившись изъ силъ — она смолкла, но бездушное тѣло ея долго еще терзалось волнами. Младшая сестра ея ухватилась за запасныя ростры, употребляя всѣ усилія удержаться на нихъ, и уже унтеръ-офицеръ Немудрой бросился было къ ней на помощь, но поздно—

(*) Надобно полагать, что тутъ погибъ штурманскій капитанъ Воронинъ; изъ спасшихся никто не видалъ его кончины.

ростры повернулись, и несчастную снесло въ море. Помогать другимъ не было возможности. Находившіеся на шкафутахъ и шканцахъ должны были прежде всѣхъ погрузиться съ кораблемъ въ море, по Провидѣнію угодно было явить надъ нами примѣръ небывалый въ исторіи кораблекрушеній: погрузившись по ютъ, корабль остановился. Спачала никто этого не замѣтилъ, но — вотъ прошло нѣсколько минутъ — корабль все въ одинаковомъ положеніи, и громкій крикъ: «Корабль на мѣли!» пронесся между нами, какъ будто вѣсть надежды. Но мы ошибались — глубина подъ нами была ужасная; корабль ворочало вѣтромъ и теченіемъ въ разныя стороны, но все такп онъ не погружался болѣе. Некогда было разсуждать о причинѣ столь страшнаго явленія и надобно было имъ пользоваться. Надежда снова мелькнула передъ нами. Всѣ бросались на ютъ, единственное мѣсто, оставшееся незатопленнымъ, но переправа туда ежеминутно становилась труднѣе. Оставалась еще бизань-мачта. Путь на нее со шкапецъ представляла единственная веревка бизань-штагъ, но уже никто изъ насъ не думалъ о невозможности такого труднаго путешествія, не смотря на то, что все время стояли мы по горло въ водѣ, работали съ 10-ти часовъ вечера, были избиты и истомлены ужасною жаждою отъ соленой воды и усталости. Народъ кучами бросался на бизань-штагъ, и онъ весь былъ унизанъ людьми. Женщины слѣдовали примѣру мужчинъ, но надежда спасенія была тщетная и немногія изъ нихъ достигали желанной цѣли. Пять, или шесть человѣкъ перебрались кое-какъ на крюйсъ-марсъ. Видя ихъ, рѣшился я испытать счастья, и перекрестившись, полѣзъ туда, стараясь добраться до остатка гротъ-мачты, около котораго обхватывался бизань-штагъ двумя концами. Пучины, образовавшіяся на пути

изъ трехъ корабельныхъ люковъ, воспрепятствовали моей смѣлой попыткѣ. Насъ было всемъ что попадало въ волны. Съ палубы смывало все. Уже шкафутъ былъ чистъ и на немъ не осталось ни одной шлюпки; иныя вверхъ дномъ бились на бакѣ, другія подъ бимсами юта; барказъ перешибло на двое. Капитанъ-лейтенантъ Истомина и штабъ-лекарь Саковичъ, перебираясь на ютъ, были уже при концѣ переправы, по ударомъ барказа придавило Истомина къ ютовому бимсу — сплюснутый имъ, онъ и не крикнулъ; только съ юта видѣли, какъ его втащило въ водоворотъ офицерскаго люка на шканцахъ. Саковичъ подвергся той же участи. Кто могъ, бросали съ юта бившимся въ водѣ концы веревокъ. Лейтенантъ Дергачевъ, 8-го рабочаго экипажа унтеръ-офицеръ Корниловъ, и нѣсколько человѣкъ матросовъ, вытаскивали со шканецъ нѣкоторыхъ еще живыхъ, другихъ уже изступленныхъ и потерявшихъ разсудокъ, но болѣе трупы. Въ числѣ утопшихъ, выхваченныхъ ими, была тетка жены лейтенанта Сверчкова. Супруга его, выброшенная изъ барказа на шканцы, долго гребла руками, поддерживаясь на какой-то доскѣ, пока огромнымъ отломкомъ коечныхъ сѣтокъ ударило ее по спинѣ, и облитая кровью, она погрузилась въ общую могилу.

Видя многихъ бросающихъ съ юта веревки, я полагалъ, что тамъ можно еще продлить хотя на одну минуту существованіе и завидовалъ карабкавшимся по бизань-штагу, но самъ я никакъ не могъ до него добраться. Страшная волна подхватила меня съ нѣсколькими матросами и бросила къ кнехтамъ гротъ-мачты. Каждый изъ насъ хватался за что могъ. Я ухватился за остатокъ сломанной мачты, и въ одно мгновеніе, черезъ головы нѣсколькихъ рядовъ людей, поднялся на бизань-штагъ. Впереди меня все было усѣяно матросами. Изму-

ченный, добравшись почти до трети штага съ низу, остановился я отдохнуть, и собирая остатокъ силъ, черезъ нѣсколько минутъ готовился продолжать переправу, когда надо мною раздался хриплый голосъ: «Ваше благородіе! упаду! Ваше благородіе! упаду!» и въ слѣдъ за тѣмъ кто-то спустился на плеча мои. Напрасно думалъ я удержаться — несчастный упалъ и потащилъ меня съ собою; руки мои оборвались; я схватился было ногами, но силы меня совершенно оставили и я упалъ въ бурунъ на шканцы. Еще сохраняя память, сильно стиснулъ я губы и меня подняло на верхъ. Совершенно не умѣя плавать, я не могъ держаться на водѣ. Бившись недолго руками и ногами, началъ я погружаться — еще минута, и.... Въ то мгновеніе два, или три конца веревокъ ударили меня по головѣ; я успѣлъ поймать одинъ изъ нихъ, и уже протянулъ руки на капитанскій катеръ, но волны бросали меня въ разныя стороны. Не теряя надежды, окостенѣлыми руками уцѣпился я за веревки; бурунъ пересилилъ меня, и отбросивъ катеръ на сажень въ сторону, лишилъ послѣдней надежды на спасеніе. Конецъ веревки оборвался — помню только, что меня потащило куда-то внизъ, ворочая ужаснымъ образомъ во всѣ стороны, крутя и опрокидывая — уже раза два хлѣбнулъ я морской волны, когда вдругъ выброшенный очутился на поверхности. Мичманъ Лесли успѣлъ схватить меня за полу сюртука, и два или три человѣка матросовъ пособили ему встащить меня на сломанный капитанскій катеръ. Только тутъ вздохнулъ я, и держась кое-какъ за бортъ катера, увидѣлъ страшную могилу, которая едва не поглотила меня: то былъ гротъ-люкъ; водоворотъ его, пожирая людей, выбрасывалъ обратно безжизненные трупы ихъ. Катеръ, куда я былъ вытащенъ, сильнымъ бурупомъ разбило о гротовые кнехты.

Насъ выкинуло вонъ — смерть, пощадивши жизнь нашу только на одну минуту, опять разбросала насъ по всему кораблю. Волны разлучили меня съ великодушнымъ Лесли — я уже не видалъ его болѣе; несчастный спаситель мой вскорѣ сдѣлался жертвою смерти. Очутившись подлѣ лежащей на боку восмерки, я началъ по ней съ большимъ трудомъ перебираться на бакъ; волнами покрывало меня безпрестанно, и я думалъ, что меня непремѣнно оторветъ, но Богъ спасъ, и я добрался благополучно до бака. Тутъ, уцѣпясь за одну изъ спастей, разглядѣлъ я картину нашей гибели во всемъ ея ужасѣ. Уже начинало свѣтать. Нѣсколько сотъ человѣкъ разбросано было по горизонту моря. Обломки рангоута, плавающій грузъ — все было загромождено людьми. Бушующія волны, дальность берега, корабль безъ шлюпокъ, погрузившійся выше косчныхъ сѣтокъ, и ужасы смерти въ самыхъ разнообразныхъ видахъ, вотъ что открылось передъ моими глазами, и ко всему еще надобно прибавить стада косатокъ, которыя вились около насъ, ожидая вѣрной добычи. Надъ моремъ высилась одна мачта. Бугшпритъ былъ отдѣленъ отъ нея большимъ пространствомъ воды. Только морякъ можетъ довольно вѣрно представить себѣ нашу участь. Съ правой стороны корабля видно было много сброшенныхъ въ море матросовъ; разбитый двѣнадцати-весельный катеръ, полный воды, служилъ пристанищемъ имъ. Кто могъ и не терялъ еще памяти, хватался за борты его. Инымъ удалось подняться въ катеръ, но вскорѣ потомъ отнесло его далеко отъ корабля, и затопленный почти по бортъ, съ нѣсколькими людьми потащило въ море. За кормою корабля въ то же самое время отвалила капитанская гичка. Легко перескакивая валы, казалось, она скоро достигнетъ береговъ, но несчастный катеръ всѣ считали

непремѣнно погибшимъ. Я видѣлъ, какъ двухъ офицеровъ бросило волною съ юта за бортъ; одного изъ нихъ я могъ различить — то былъ лейтенантъ Дергачевъ; его вытаскивали матросы, но гибель другаго была неизбѣжна — онъ тонулъ. Катеръ отнесло отъ корабля, и волны начали покрывать его — еще нѣсколько минутъ, и, казалось — все исчезло. Я полагалъ уже его затопленнымъ, спрашивалъ окружавшихъ меня: не примѣтили-ль они кто былъ на катерѣ, и узналъ, что на немъ находился самъ капитанъ нашъ, котораго лейтенантъ Дергачевъ вытащилъ изъ воды. Къ изумленію нашему, катеръ опять вынырнулъ изъ воды и его понесло по вѣтру. Разскажу здѣсь удивительное странствованіе бывшихъ на катерѣ. Положеніе ихъ было отчаянное. Сидя по поясъ въ водѣ, пятеро изъ нихъ гребли, а остальные откачивали воду. Выломанный руль замѣнялся кускомъ весла. Служитель мичмана Аникѣева, находившійся на катерѣ, отъ истомленія и холода началъ засыпать и черезъ нѣсколько часовъ умеръ. Катеръ тащило теченіемъ въ открытое море. Не имѣя ни одного сухаря, остававшіеся въ живыхъ... не рѣшились бросить трупъ за бортъ... Но Богъ не допустилъ ихъ до такой гибельной крайности; къ вечеру катеръ прибило къ берегу, близъ маяка Листеръ, подлѣ деревни Крилью. Страдальцы не могли уже сами выйдти на землю. Береговые жители, увидя выброшенную моремъ шлюпку, бросились къ ней, на рукахъ перенесли всѣхъ спасшихся на ней въ свои домы, оказали имъ всевозможное пособіе, послали за докторомъ, похоронили усопшаго, и старались по возможности облегчить ужасное положеніе уцѣлѣвшихъ несчастливцовъ. Но они могли уврачевать только раны тѣла — раны души не врачуются никакими лекарствами. Избавясь чуднымъ образомъ отъ неизбѣж-

ной смерти, спасенные благословляли Бога и радовались своему возрожденію—только одинъ изъ нихъ страдалъ, тотъ, кто обязанъ былъ дать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ, отъ чьего искуства и мужества зависѣла участь нѣсколькихъ сотъ подчиненныхъ ему. Онъ забылъ о себѣ. Все вниманіе его обращено было на поданіе помощи оставшимся на кораблѣ. По голосу его по всему берегу поскакали гонцы. Изъ разныхъ портовъ двинулись суда къ бѣдствующимъ, и добродѣтельные жители старались наперерывъ оказать великодушную поспѣшность.

Разсвѣтъ 31-го Августа совершенно обезпадежилъ оставшихся на кораблѣ. Берега чуть видѣлись; значитъ, были не менѣе 50-ти верстъ разстояніемъ, и ни одного судна не было видно на горизонтѣ. Люди начинали коченѣть и падали съ бизань-вантъ кучами. Черезъ полчаса ютъ погрузился въ воду. Волны, перекатывалсь черезъ него, уносили несчастныхъ десятками. Всѣ, кто могъ, бросились на ванты, уже загромождепные въ три ряда, и не находя мѣста между людьми, почти всѣ нашли могилу въ Скагерракѣ. На крюйсъ-марсѣ было до пятидесяти человѣкъ. Они лежали другъ на другѣ въ два и въ три ряда, безъ фуражекъ и безъ мундировъ. Усталость начала клонить всѣхъ ко сну. Лейтенантъ Андреевъ, въ смертномъ забытьи, свалился на ютъ. Каждый изъ насъ ожидалъ той же участи, когда вдругъ на горизонтѣ показались три судна. Громкое *ура*, звонъ въ колоколъ и молитвы раздались на двухъ точкахъ, еще не залитыхъ водою, бизань-мачтѣ и бугшпритѣ. Куда идутъ суда? былъ общій вопросъ. Видѣть ихъ могли только обращенные къ нимъ лицомъ. Остальнымъ невозможно было отъ тѣсноты повернуть голову; руки и ноги были, какъ будто въ тискахъ.

Но и такое страшное положеніе уже считали благополучіемъ, хотя на спасеніе исчезла вся надежда. На обломкахъ, выше горизонта моря, на плотахъ, на люкахъ — вездѣ виднѣлось по нѣсколько человѣкъ. Многіе были заливаемы водою безпрерывно, и нельзя было не удивляться ихъ упорству, если не безчувствію. Казалось, они вовсе не обращали вниманія на клокотавшее около нихъ море. Мичманъ Шигоринъ 2-й, сброшенный волнами за бортъ, къ гротъ-мачтѣ, спасался на ней, стоя по горло въ водѣ. Истомленный безпрерывнымъ погруженіемъ въ волны, перевѣсясь чрезъ кромку марса и держась за обухъ, недолго былъ онъ въ силахъ вынесть свое гибельное положеніе; руки его окостенѣли, и мы лишились въ немъ одного изъ добрыхъ нашихъ товарищей — незамѣтно перешелъ онъ въ жизнь вѣчную. Товарищи столкнули трупъ его въ волны. Мы уже свыклись тогда съ смертью. Но и въ такомъ положеніи, одинъ слухъ о судахъ оживилъ каждаго, до кого дошелъ онъ. На умѣ и на языкѣ всѣхъ былъ только одинъ вопросъ: идутъ ли они къ намъ на помощь? Мы видѣли, что три судна держали прямо къ кораблю и скоро начали подходить подъ корму. Баковые страдальцы не могли еще думать о скоромъ спасеніи, полагая, что лоцъ-боты возмутъ сначала людей съ юта. — На бакѣ слышались крики: «Спасите! Спасите! Къ намъ! Къ намъ! Здѣсь тише, а тамъ разобьетесь!»—Несчастные махали чемъ могли, приподымаясь сколько было возможно. Когда лоцъ-боты были подъ кормою корабля, всѣ хотѣли броситься на ютъ, и многіе, рѣшившіеся на то, погибли мгновенно. Толкотня сдѣлалась ужасная. Съ восмерки, брошенной на кнехты фокъ-мачты, сорвало всѣхъ на ней бывшихъ. Боцманъ Завьяловъ и нѣсколько человѣкъ матросовъ успѣли вскарабкаться опять въ шлюпку,

по второй валъ перебросилъ ее къ правому борту шканецъ. Жизнь несчастныхъ висѣла на волоскѣ — стоило еще разъ бурупу ударить шлюпку о бортъ корабля, и они погибли бы, но если ни единый волосъ съ головы человѣка не упадетъ безъ воли Божіей, такъ случилось и здѣсь: въ отчаяніи, схватившись за попавшіеся имъ два банника и кусокъ доски, они начали ими грести, и шлюпка понеслась, повинуясь влеченію вѣтра и помощи странныхъ веселъ. Миновавъ корму, лоцъ-боты приводили къ лѣвому борту. Всѣ думали, что часъ спасенія насталъ. Вышло иначе. Боясь пристать къ кораблю, лоцъ-боты раза три поворачивали, а между тѣмъ люди, плывшіе на восмеркѣ, старались пристать къ первому боту—ихъ не взяли здѣсь; на второмъ ботѣ также. Бывшіе въ ботахъ начинали спокойно ловить плавающія койки, не обращая вниманія на насъ. Только послѣдній ботъ бросилъ конецъ веревки въ восмерку; его поймали, подтянулись къ боту, и изъ устъ десяти человѣкъ вознеслась первая молитва Всемогущему за спасеніе. Они спаслись, они были счастливы, по вполнѣ ли? У одного остались на кораблѣ жена и сынъ, у всѣхъ добрые товарищи. Напрасно спасенные умоляютъ каптейновъ оказать помощь остальнымъ; ихъ не слушаютъ, и лоцъ-боты, поворотивъ опять, пошли подъ самою кормою корабля. Съ юта всѣ двинулись къ гака-борту, надѣясь перескочить съ корабля въ который нибудь ботъ. Въ числѣ рѣшившихся на то были два брата, лейтенанты Лазимовы. Младшій изъ нихъ бросился въ море, но разстояніе было слишкомъ велико и море захлеснуло его. Старшему брату не надолго суждено было пережить младшаго — огромная волна пронеслась чрезъ весь ютъ и поглотила въ одно мгновеніе до двадцати человѣкъ. Казалось, что морская пучина ужаснулась разгульнаго

пира своего, и присмирѣвъ на нѣсколько минутъ, потомъ не покрывала юта водою. Боты продолжали идти одинъ за другимъ. Все еще думали мы, что они поворотятъ. Прошло около четверти часа и мы съ ужасомъ видѣли, что они идутъ прочь. Прости, минутная надежда— нами снова овладѣло отчаяніе! Одни проклинали капитановъ; другіе съ надеждою на Бога, угрюмые, блѣдные, еще ждали новаго, почти уже невозможнаго спасенія, но холодъ, жажда и голодъ сильно начали клонить всѣхъ ко сну, предвѣстнику сна вѣчнаго. Многіе думали согрѣться въ водѣ и становились на палубу, погружаясь въ воду по грудь; покрываемые безпрестанно волнами, не имѣя почти ни минуты перевести дыханіе, съ растравленными отъ соленой воды ранами, они только изнурялись въ волнующемся покровѣ, гдѣ многимъ изъ нихъ суждено было сокрыться на вѣки. Иные, желая потомъ возвратиться на свои мѣста, уже не находили ихъ, ибо малѣйшій уголокъ мѣстечка свободнаго въ одну минуту замѣщался другими, и ни просьбы, ни угрозы, ни что не помогало. Ссоры были однакожь между немногими. Почти всѣ страшились произнесть лишнее слово. Замѣчали другъ другу, что тѣ, кто заботился о спасеніи денегъ, или дорогихъ вещей, какъ будто въ урокъ другимъ, тонули прежде всѣхъ. Тутъ кто-то вспомнилъ, что въ ящикахъ у гака-борта лежатъ флаги. Вѣсть о такомъ открытіи быстро пронеслась по всему юту; флаги схватили, разорвали на лоскутья и сотни головъ прикрылись разноцвѣтнымъ флагдукомъ; иной завернулся въ парусину, другой въ кусокъ сукна; крюйсель, бизань, кливеры пошли на чалмы и одежды необыкновеннаго покроя. Крайность и нужда заставляла прибѣгать къ платью умершихъ; разрывая его на лоскутья, мы дѣлились имъ другъ съ другомъ. Офицеры обрывали полы сюр-

туковъ и закрывали ими голову. Вѣтеръ, по видимому, тогда немного стихъ, но волны и буруны подымались еще до половины бизань-вантъ. Надежда гасла. Подходившіе къ намъ лоцъ-боты около часа видѣлись на горизонтѣ, но потомъ скрылись совершенно. Быстрая перемѣна направленія береговъ явно показывала, что корабль нашъ повинуется вѣтру и теченію, но куда влечетъ его? По солнцу надобно было полагать къ западу, слѣдовательно, въ Нѣмецкое море. При сей страшной мысли могла-ли душа быть спокойна, могло ли сердце не разрываться на части! Но когда человѣку всего менѣе остается надежды, когда онъ былъ уже тяжко обманутъ ею, онъ становится какимъ-то безчувственнымъ, глядитъ на все хладнокровно; въ глазахъ его нѣтъ болѣе страха; онъ перераждается, ибо земные помыслы покидаютъ его, и съ нимъ остаются только молитва и упованіе.

Долго послѣ удаленія ботовъ на горизонтѣ ничего не было видно. Часъ казался намъ днемъ. Изрѣдка *ура*, то на ютѣ, то на бакѣ, приводили меня въ какой-то холодный трепетъ. Мнѣ казалось, что то былъ послѣдній земной возгласъ, слышимый мною, и признакъ, что корабль идетъ на дно моря. Ютъ былъ еще на половину внѣ воды, но онъ ежеминутно все болѣе погружался, и вскорѣ державшихся на немъ начало срывать за бортъ. Всѣ бросились на ванты; на нихъ не осталось вершка свободнаго мѣста; обремененныя нѣсколькими сотнями человѣкъ, часто погружаясь въ воду, онѣ совершенно ослабѣли. Мачта начала качаться. Не обращая на то вниманія, спасавшіеся ловили оборванные фордуны и бакштаги сломившейся брамъ-стеньги (чего не изобрѣтетъ человѣкъ для своего спасенія!), вязали спасти сіи большимъ узломъ, и на такомъ качающемся, веревоч-

номъ маятникѣ помѣстилось до десяти человѣкъ. Меня удивило присутствіе духа матроса Шефера: въ то время, когда уже невозможно было ходить по баку, по причинѣ ужасныхъ каскадовъ въ погонные порты, перевязавшись одною изъ снастей, онъ началъ приготовлять изъ точильнаго станка ящикъ. На вопросъ мой: что ты хочешь дѣлать, Шеферъ? — онъ отвѣчалъ: «Ящикъ, ваше благородіе.» — За чемъ? — «А лягу въ него, какъ плохо придетъ, да и поплыву.» — Я былъ тогда у колокола, привязавши правую руку свою къ его желѣзной дугѣ, и воображая, что могу еще повиснуть на ней, еслибы снесло меня волною. Необыкновенно сильный, Шеферъ, съ кофешпагелемъ въ рукахъ, началъ отдирать внутреннюю обшивку корабля и помостки сломанныхъ, лѣвыхъ баковыхъ сѣтокъ, приколачивая доски гвоздями къ своему точильному станку съ пяти сторонъ, а шестую оставляя для входа. Онъ наложилъ уже послѣднюю доску. Ящикъ готовъ, осмотрѣнъ со всѣхъ сторонъ, и двухъ, или трехъ часовой трудъ, казалось, долженъ увѣнчаться успѣхомъ. Въ помощь гвоздямъ все связано было еще веревками. Строитель стащилъ ящикъ къ борту корабля, гдѣ можно было ему выплыть свободно, еслибы корабль пошелъ на дно. Въ глазахъ Шефера блистала уже радостная надежда, но чрезъ нѣсколько минутъ вкатилась шумная волна и у ногъ его остались только обломки драгоцѣннаго ящика. Шеферъ спасся потомъ, но повѣрятъ ли, что это событіе имѣло на меня сильное дѣйствіе: мнѣ казалось, что Богъ не позволяетъ намъ самимъ думать о спасеніи, и требуетъ безпрекословной покорности его святой волѣ, хотя по всѣмъ человѣческимъ разсчетамъ, намъ предлежало, если не погибнуть въ волнахъ, то умереть голодною смертью. Пить хотѣлось смертельно. Понимая вполнѣ вредъ

употребленія морской воды, мы не могли однакожь преодолѣть невыносимой жажды, и обсасывая губы, глотали по нѣскольку капель ея, но это умепьшало жажду только на минуту и потомъ возбуждало ее еще болѣе.

Около полудня показалось на вѣтрѣ темное пятно, и вскорѣ, увеличиваясь, дозволило намъ различить корпусъ брига, идущаго подъ гротъ-марселемъ прямо на насъ. Уже обманутые одинъ разъ надеждою, мы не смѣли радоваться. Огромность брига, съ барказомъ на рострахъ, и непреодолимая въ человѣкѣ любовь къ жизни, заставляли однакожь чѣмъ-то льститься. Бригъ быстро приблизился къ кораблю. Съ бугшприта начали умолять о спасеніи. Бригъ спустился по лѣвому борту нашего корабля, и съ него видны были люди, державшіеся на фокъ-мачтѣ и на разныхъ обломкахъ, но бездѣйственно пройдя мимо, онъ поворотилъ подъ корму. Въ нѣсколькихъ саженяхъ открылся ему правый нашъ бортъ. Довольно спокойное состояніе воды на сей сторонѣ давало средства легко спасать погибавшихъ. На бригѣ засуетились. Мы думали, что хотятъ спустить барказъ, и радостное *ура* пронеслось между нами какъ-то звучнѣе и продолжительнѣе. Радостно вздохнули мы, махали сорванными съ головъ лоскутьями флагдуга, называли чужеземцовъ спасителями, поздравляли другъ друга съ жизнью — молились. Безпрестанно ждали мы, что бригъ ляжетъ въ дрейфъ. Никакихъ признаковъ не было видно— побрасопивши немного паруса, онъ легъ нѣсколько полнѣе. Не смѣя угадывать что хотятъ предпринять наши спасители, мы смолкли, и — вотъ бригъ дальше, дальше... бьютъ въ колоколъ—ничто не помогаетъ. *Ура* уже не долетитъ до него. Безчеловѣчные! Осмотрѣвъ утопавшихъ, они преда-

ли ихъ неминуемой гибели, и только еще страшнѣе дали имъ почувствовать безнадежность своего положенія. Бригъ этотъ былъ... Но пѣтъ — умолчу о томъ, какой націи принадлежалъ бригъ: пусть безчеловѣчный поступокъ покроется завѣсою неизвѣстности, и не заставитъ стыдиться цѣлый народъ за безчувственность *одного*.

По удаленіи брига гротъ-мачта начала медленно отдѣляться отъ лѣваго борта корабля. Мичманъ Бубновъ и человѣкъ пятнадцать матросовъ подверглись самой жалкой участи. На обломкѣ мачты собрались они у марса. Два неизбѣжные рода смерти предстояли имъ — утонуть, или умереть съ голоду. Двое матросовъ уже засыпали въ оцѣпенѣніи. Мачту отломило, быстро понесло отъ корабля по вѣтру, и волны ежеминутно покрывали несчастныхъ. Часа съ два, или съ три, они были еще видны, какъ едва замѣтное, темное пятно, и постепенно исчезли изъ вида.

Немного спустя отъ праваго борта корабля оторваны были волною, находившіеся на запасныхъ рострахъ, съ разломаннымъ капитанскимъ катеромъ съ боку, унтеръ-офицеръ Немудрый и двѣнадцать человѣкъ матросовъ. По грудь въ водѣ, они держались почти на кругломъ деревѣ, ежеминутно готовомъ перевернуться. Участь ихъ была ужасна, когда отъ корабля помчало ихъ вдаль, но они спаслись; полумертвыхъ прибило ихъ къ берегамъ Норвегіи. Береговые жители сняли ихъ и всѣ они остались живы, кромѣ двухъ, погибшихъ еще тогда, когда мчало ихъ по морю. Остававшимся на кораблѣ почти не было надежды на спасеніе. На ютѣ начало чаще повторяться *ура*, но то былъ не радостный крикъ, а послѣдніе стоны томимыхъ смертью людей. Палуба юта, подрубленная въ восьми бимсахъ, начинала разваливаться.

Полагая, что корабль долженъ мгновенно погрузиться на дно, ютъ при началѣ гибели хотѣли подрубить во всѣхъ бимсахъ и тѣмъ обратить его въ плотъ, но не успѣли. Пазы разошлись на дюймъ и болѣе, а у бортовъ, по крайней мѣрѣ, на четверть аршина. Кромѣ круглаго капитанскаго люка образовалось еще на ютѣ какое-то огромное отверзтіе, безпрестанно пожиравшее людей. Всѣ наши предпріятія являлись ничтожны. Спасавшіеся на бакѣ завидовали участи ютовыхъ, полагая, что тамъ можно еще достать хоть аршинъ свободнаго мѣста, но, какъ узналъ я въ послѣдствіи, тѣ изъ ютовыхъ, кто спускался съ мачты на палубу, мгновенно были уносимы волнами. Около бизань-мачты на ютѣ навязали по снастямъ нѣсколько веревокъ, составя тѣмъ горизонтальный веревочный помостъ. Вся мачта была унизана людьми. Шхентеля шлюпъ-балокъ служили долгое время мѣстомъ спасенія, и на соединеніи ихъ у бизань мачты съ каждой стороны стояло по нѣскольку человѣкъ. Скрѣпчавшій къ вечеру вѣтеръ еще болѣе увеличилъ нашу безнадежность. Багровое зарево на горизонтѣ предвѣщало бурю. Тучи, носясь надъ моремъ, сколплялись на западѣ. Ночь скоро скрыла берега. Косатки стадами заиграли около насъ. Казалось, онѣ готовы были поглотить насъ, и только громадные буруны удерживали алчность ихъ. Для втораго ночлега въ волнахъ моря каждый заранѣе прінскивалъ себѣ мѣсто удобнѣе. Артиллерійскій штабсъ-капитанъ Чевгуздинъ, и братъ его, хотѣли перебраться на фокъ-мачту, плававшую за кормою корабля. Они смѣло двинулись впередъ, хотя волны безпрерывно покрывали ихъ обоихъ, и добравшись до обломковъ шканечныхъ шпангоутовъ, перебрались оттуда по концу, протянутому съ юта на фокъ-мачту, почти достигая желаннаго мѣста, когда

волна яростно ударила въ мачту и мгновенно погребла обоихъ братьевъ въ пучинѣ моря. На остаткахъ корабельнаго борта отъ лѣвой крамболы до колокола, то есть, на протяженіи не болѣе двухъ саженъ, столпилось человѣкъ до сорока; въ числѣ ихъ были лейтенанты Васильевъ, Сверчковъ и Дудинскій, полковникъ Ершовъ, супруга командира, и жена боцмана Завьялова, съ грудным на рукахъ младенцомъ. Положеніе супруги капитана было мучительное: въ одномъ платьѣ, которое изорвало волненіемъ, съ открытою головою, съ избитыми руками и ногами, съ обагреннымъ кровью лицомъ, пять разъ смываемая волнами, она долго должна была выдерживать невыносимыя истязанія. Но среди общаго бѣдствія ея страданія не производили сильнаго впечатлѣнія. Общая участь поставила всѣхъ насъ въ безчувственную безнадежность, заставляя забывать различіе пола, возраста и званія. Я не могъ однакожь быть равнодушенъ при видѣ одной изъ несчастныхъ матерей — это была жена боцмана Завьялова. Она не выпускала изъ рукъ своего ребенка и безпрестанно молилась за него—молилась только о спасеніи своего младенца. Ребенокъ пробылъ двои сутки безъ пищи и питья, въ одной тонкой рубашечкѣ. Два раза падалъ онъ изъ рукъ матери въ бурунъ и былъ вытаскиваемъ матросами на сѣтки, но и здѣсь волны, ежеминутно перекатываясь черезъ наши головы, затрудняли ему дыханіе. И не диво ли: молитва матери исполнилась! Ребенокъ ея остался живъ и здоровъ, оправясь совершенно въ первый день нашего спасенія.

Много было передъ глазами нашими ужасныхъ, раздиравшихъ сердце сценъ. Семейство одного артиллериста спасалось на ютѣ. Мать, выбившись изъ силъ, уронила своего малютку за бортъ. Младенецъ началъ

биться ручонками и долго держался на водѣ, приводя тѣмъ всѣхъ въ изумленіе — онъ какъ будто ждалъ кого-то. Черезъ нѣсколько мгновеній сбросило бурункомъ въ море его отца и мать. Обезсиленные, они недолго держались, схватясь другъ за друга, и черезъ минуту оба погрузились — за ними исчезло въ волнахъ и дитя ихъ, и — вотъ кого ждалъ младенецъ, вотъ съ кѣмъ хотѣлъ онъ соединиться въ будущей жизни...

Къ чести всего экипажа нашего должно сказать, что въ то время, когда уже невольно помрачался разсудокъ, ни одинъ не дерзнулъ на самоубійство: мысль о томъ не касалась ни кого, и всѣ безпрестанно, а многіе громко читали молитвы. Счастливъ Рускій—вѣра не оставляетъ его въ послѣднія минуты жизни; съ нею онъ твердъ, какъ камень, и ничто не поколеблетъ его. Команда корабля нашего вполнѣ доказала сіи слова. Болѣе половины ея были рекруты, но безъ малѣйшаго ропота перенесли они всѣ бѣдствія и до самой невозможности исполняли приказанія начальниковъ. Многіе изъ нихъ старались даже объ улучшеніи участи офицеровъ, когда кромѣ гибели ничего уже нельзя было ожидать. Почитаю долгомъ помѣстить здѣсь одинъ изъ такихъ примѣровъ, лично до меня касающійся. Второй роты матросъ Зазуевъ, спасавшись рядомъ со мною у колокола, въ то время, когда я началъ уже сильно ослабѣвать, сидя на одной поперечной перекладинкѣ сѣтокъ безпрестанно поддерживалъ меня одною рукою, прикрывалъ кускомъ койки мою голову, не давалъ мнѣ засыпать, толкалъ меня, уговаривалъ не переходить на ютъ, даже удерживалъ насильно, и мнѣ казалось, что я долженъ былъ въ томъ съ нимъ согласиться.—«Я и умѣю хорошо плавать, ваше благородіе,» говорилъ Зазуевъ, «да какъ-то боюсь перемѣнить свое мѣсто.» Я повѣрилъ ему со-

вершенно, когда увидѣлъ примѣръ гибели товарища моего по Корпусу, мичмана Аникіева. Часа за два онъ былъ еще на бакѣ. Взоры наши какъ-то встрѣтились и высказали все—мы поклонились другъ другу. «Я пойду на ютъ,» были послѣднія слова его мнѣ — «прощай!» Мы разстались. Я видѣлъ, какъ переправился онъ благополучно, хотя и съ большимъ трудомъ, и потомъ замѣшался въ кучѣ матросовъ на вантахъ. По истомленному лицу его, я сомнѣвался въ его жизни. Въ сюртукѣ, безъ фуражки, окоченѣлый отъ холода, онъ не перенесъ страданій и къ ночи его не стало.

Грусть вполнѣ овладѣвала мною. Тысячи мыслей безъ порядка бродили въ моей головѣ. Не думая уже о себѣ, я вспомнилъ объ отцѣ и мрачная дума растерзала меня. Что будетъ, когда получитъ онъ извѣстіе обо мнѣ? Преклонныя лѣта его, слабость здоровья и безпредѣльная любовь его ко мнѣ, заставляли меня трепетать за жизнь его. Лишившись за годъ передъ тѣмъ сестры и помня скорбь объ ней отца, могъ ли я умереть спокойно? Конечно, я былъ готовъ, я чувствовалъ, какъ смерть близилась ко мнѣ. Силы мои замѣтно ослабѣвали. Умереть, когда стоишь на первой ступени жизни, льстившись незадолго свѣтлою будущностью — трудно, тяжко, невыносимо, и — нѣтъ словъ высказать чувство такого сознанія гибели! Но подивитесь странности душевныхъ волненій человѣка: въ эти минуты я грустно воображалъ и о томъ, что могила моя будетъ безвѣстна, и никто изъ родныхъ не придетъ оставить на ней слезу любви... и мнѣ горько было отъ такой мысли... Да, *тамъ* уже не надобно ничего земнаго, но мнѣ мечталось, что если бы назначено было судьбою умереть въ кругу родномъ, тогда какъ будто легче было бы соеди-

ниться съ матерью, братомъ и сестрою, которыхъ лишился я въ продолженіе моей жизни...

Къ вечеру лѣвыя баковыя сѣтки начали трещать; дуга колокола, у которой я былъ привязанъ, разгибалась... Бакъ погрузился почти совсемъ въ воду и не болѣе фута осталось до сѣтокъ. Увеличивавшіяся волны начали чаще перекатываться чрезъ наши головы, унося съ собою ежеминутно по нѣсколько человѣкъ изъ среды нашей. На бугшпритъ перейдти не было возможности. Ужасный бурунъ въ изломанномъ гальюнѣ не успѣвалъ подбирать погибавшихъ. Сильнымъ каскадомъ въ погонные порты и огромною волною снесло остальныя сѣтки правой стороны. Спасавшихся на нихъ всѣхъ бросило за бортъ и сѣтки переломало въ мѣлкіе куски. Лазаретный люкъ подъ баковымъ битенгомъ извергалъ изъ себя страшную массу воды, и разливаясь на всѣ стороны, безпрестанно покрывалъ всѣхъ насъ. Случалось, что каскады изъ погонныхъ портовъ встрѣчались съ этимъ ужаснымъ фонтаномъ; тогда наступало самое бѣдственное положеніе — вода лилась со всѣхъ сторонъ, изъ-за борта волненіемъ, съ бака каскадомъ во всю величину погонныхъ портовъ, сверху фонтаномъ, съ гальюна бурупомъ, и тутъ едва можно было вздохнуть.

Ночь быстро приближалась. Солнце скрылось за горизонтъ. Съ какимъ чувствомъ провожали мы послѣдніе лучи его глазами, и сколькимъ изъ насъ суждено было видѣть его въ послѣдній разъ! Быть можетъ, завтра уже одни только обломки и трупы покажутъ существованіе Нигермаланда и Нигермаландцовъ...

Воображеніе сильно начало дѣйствовать надъ многими. Инымъ казалось, что они сидятъ на совершенно спокойныхъ мѣстахъ — имъ видѣлись очаровательныя картины, мечтались сады, рощи, комнаты. Потомъ вдругъ

мерещились имъ громъ, трескъ, море, камни—они представляли себѣ начало крушенія и произносили несвязныя слова. Лейтенанты Васильевъ и Сверчковъ были такъ разстроены, что раза три уже поднимались они, желая перейдти на ютъ, и увѣряя всѣхъ, что на шканцахъ и шкафутѣ одинъ изъ нихъ видитъ множество камней, а другой сады, по которымъ можно легко туда перебраться. Все это говорили они такъ хладнокровно, что можно было подумать, будто они въ полной памяти. Но почти безжизненные взоры ихъ выражали противное, а впалыя щеки и блѣдныя лица наводили невольный ужасъ. Еслибы не удерживали ихъ нѣкоторые изъ матросовъ, они пустились бы переправляться на ютъ, и, конечно, съ первымъ шагомъ оба погибли бы непремѣнно.

Удивительно, что многіе умирали скорѣе, нежели можно было ожидать, и нѣсколько примѣровъ было, что люди крѣпкаго сложенія умерли прежде слабыхъ и даже больныхъ. Когда корабль около полуночи началъ погружаться въ воду, больные, кто могъ, вышли, другіе выползли изъ лазарета. Одинъ изъ нихъ, выбившись изъ силъ, не могъ идти. «Господи помилуй! Умирать все равно!» сказалъ онъ, съ великимъ усиліемъ взлѣзъ на пушку, обхватилъ ее руками, и безъ малѣйшихъ страданій глаза его закрылись на вѣки.

Около 8-го часа вечера раздались опять громкіе крики. «*Ура! Судно! Судно!*» кричали съ бугшприта. Смотрю по горизонту—ничего не видно. Все небо застлано было облаками. Я полагалъ, что мнимое судно былъ обманъ зрѣнія, столь возможный въ подобномъ несчастіи, когда облака нерѣдко принимаютъ за парусъ судна. Но усладительное: *быть можетъ*, никогда не гибнетъ для человѣка. Я боялся только за обманъ крика, со-

пряженный въ послѣдствіи съ большимъ отчаяніемъ... Спрашиваю: гдѣ судно? Мнѣ говорятъ: на вѣтрѣ. Хочу туда взглянуть, но не могу повернуть головы. Жду не подойдетъ ли оно ближе, когда корабль вдругъ поворотило теченіемъ и я увидѣлъ довольно большой лоцъ-ботъ. Онъ правилъ на плывшую вдалекѣ гротъ-мачту, и черезъ нѣсколько минутъ, снявши съ мачты погибавшихъ, прибавилъ парусовъ и съ попутнымъ вѣтромъ понесся прямо къ кораблю. Вскорѣ онъ былъ уже у насъ за кормою. На ютѣ кричатъ, просятъ пристать, подаютъ концы, но капитанъ бота, какъ полагать должно, боялся отчаянія погибавшихъ. Онъ могъ погубить себя безполезно, когда притомъ усиливавшійся вѣтеръ показывалъ явную невозможность исполнить нашу просьбу. Сдѣлавъ два галса около корабля, ботъ направилъ курсъ къ берегу, и минутъ черезъ пять темнота наступившей ночи скрыла его отъ нашихъ глазъ, а съ ночнымъ мракомъ и надежда на спасеніе рушилась — въ *третій* разъ...

Вѣтеръ замѣтно усиливался. Изъ люковъ и портовъ безпрестанно выкидывало разныя вещи. Ютъ уже сѣлъ подъ горизонтъ воды. На всемъ кораблѣ заблистала страшная иллюминація; фосфорическій свѣтъ воды былъ тому причиною. Всѣ обломки корабля казались какъ будто горящими, и на нашемъ платьѣ съ каждымъ плескомъ волны разсыпались искры. На бакѣ было совершенно свѣтло, но за то по сторонамъ мракъ ночи еще болѣе увеличивался.

Бизань-штагъ, какъ уже я говорилъ, расходился у насъ по обѣ стороны гротъ-мачты. Люди, спасавшіеся на этомъ угловомъ соединеніи, подъ прикрытіемъ брезента, обкачиваемые водою, сидѣли однакожь спокойно. Вдругъ бизань-штагъ затрещалъ, и не болѣе какъ черезъ

полчаса, лопнулъ съ правой стороны. Люди попадали внизъ. Изъ пяти человѣкъ удержался только одинъ — трое свалились прямо въ воду и болѣе уже не всплыли. Четвертый, запутавшись ногами за устроенную веревочную сѣтку, долго кричалъ. Бурунъ билъ его головою объ остатокъ грота-мачты, и когда онъ умолкъ, окровавленный трупъ страдальца оставался до утра передъ глазами всѣхъ въ страшномъ, раздиравшемъ душу видѣ, такъ, что невольно заставлялъ отвращать отъ него взоры.

Я чувствовалъ, что ноги мои совершенно отпялись, какъ будто у меня ихъ вовсе не было. Неотступно просилъ я сидящаго подлѣ меня матроса переложить на верхъ мою лѣвую ногу, цѣлый день находившуюся подъ правою. Боль въ горлѣ дѣлалась у всѣхъ невыносимою. Глотать слюну, при нестерпимой жаждѣ, могли мы съ величайшими мученіями. Правая моя рука, привязанная къ дугѣ колокола, не могла уже пошевелиться и замерла такъ, что мнѣ невозможно было пошевельнуть пальцомъ. Лѣвую руку принужденъ я былъ держать во все время поднятою къ верху для прикрытія головы койкою, а потому въ ней ломъ около плеча жестоко мучилъ меня. Защитою отъ воды и вѣтра лейтенанту Дудинскому, мнѣ и пяти человѣкамъ матросовъ, служила одна койка. Долго держались мы на своихъ мѣстахъ, ближе къ лѣвой крамболѣ. Около полуночи раздался ужасный крикъ. Сонъ, можетъ быть, отзывавшій меня въ вѣчность, мгновенно разсѣялся. Отчаянный крикъ привелъ меня въ содроганіе. Спрашиваю, что такое, и къ довершенію ужаса узнаю, что сломало остальныя подмостки сѣтокъ. Надъ ними спасались супруга командира, лейтенанты Васильевъ и Сверчковъ, жена боцмана Завьялова, съ ея грудным ребенкомъ, и множество матросовъ. Всѣ под-

верглись крайней опасности. Тутъ же, на внутреннемъ возвышеніи крамболы, всю ночь простоялъ полковникъ Ершовъ. Надобно было удивляться, какъ могъ онъ выдержать столь бѣдственное положеніе, находясь по грудь въ водѣ, при его преклонныхъ лѣтахъ. Страдальцу надлежало перенесть не человѣческія мученія. Онъ былъ на кораблѣ не одинъ: двумъ сыновьямъ его суждено было подвергнуться общей съ нимъ участи. Большое семейство, раздѣленное нѣсколькими тысячами верстъ, ожидая вѣсти о благополучномъ прибытіи его въ Кронштадтъ, не воображало, что въ то время престарѣлый отецъ стоитъ одною ногою въ гробѣ, но — Богъ хранилъ его. Нѣсколько разъ хотѣлось ему перейдти на ютъ. Что влекло его туда, непонятно, ибо ютъ уже фута на два былъ подъ водою, и часто повторяемое *ура* означало опасное положеніе людей, тамъ бывшихъ. Но старецъ стремился туда — тамъ были его сыновья, а съ ними и самую смерть, казалось ему, встрѣтитъ онъ легче. Провидѣніе удержало его, и онъ не рѣшился на опасный путь.

Ночью бизань-мачта начала качаться. Крикъ, что она скоро свалится, не пугалъ никого, и никто не оставлялъ ни вантъ, ни марса. Все равно было топуть, спускаясь ли на низъ, или падая съ мачтою за бортъ. Находившіеся на марсѣ, видя, что крюйсель-рей отягощаетъ стеньгу, начали спускать его, и не смотря на усталость и темноту ночи, исполнили свое предпріятіе къ разсвѣту. Спущенный рей, лежа поперегъ юта, служилъ имъ въ послѣдствіи вмѣсто перилъ.

Въ ночь на 1-е Сентября корма также начала отдѣляться отъ шканцовъ. Ютъ и бакъ погрузились въ воду совершенно, независимо одинъ отъ другаго. Казалось, что чрезъ нѣсколько минутъ корабль переломится

на двое. Изъ люковъ чаще стали выплывать раздробленныя бочки. Разсвѣтъ дня показалъ страшную убыль людей на ютѣ и бугшпритѣ. Съ юта почью смывало волненіемъ, а съ бугшприта падали мертвые, засыпая отъ холода.

Мичманы Половцовъ, Греве, Обуховъ, Головачевъ и Ершовъ, съ братомъ, поручикомъ ластоваго экипажа, цѣлый день 31-го Августа, покрытые двумя шпигелями, держались у бизань-мачты. Къ ночи волненіе принудило ихъ оставить мѣсто своего спасенія. Разошлись кто куда могъ. Обуховъ, Головачевъ и поручикъ Ершовъ остались на ютѣ, какъ будто предчувствуя близкую кончину — имъ все равно было разстаться съ жизнью на вантахъ, или на палубѣ корабля. Головачевъ и Ершовъ черезъ нѣсколько часовъ тихо заснули сномъ вѣчнымъ, и волны увлекли ихъ. Греве, поднявшись на ванты по внутренней ихъ сторонѣ, не могъ долго держаться; силы ему измѣнили и онъ свалился въ одну могилу съ своими товарищами. Кончина мичмана Обухова была мучительная. Всего ужаснѣе видѣть, какъ смерть терзаетъ человѣка въ полномъ разсудкѣ, когда передъ послѣднимъ мгновеніемъ онъ еще дорого цѣнитъ жизнь, когда ему трудно оставить землю, и умирая, онъ вспоминаетъ обо всемъ, для чего мечталъ онъ жить... Чувствуя быстрое приближеніе смерти, Обуховъ подозвалъ къ себѣ Половцова. «Прощай!» сказалъ онъ ему и подалъ руку. Половцовъ началъ утѣшать, ободрять умиравшаго, сколько могъ.—«Нѣтъ! Полно!» отвѣчалъ ему Обуховъ— «мнѣ ужь больше не жить!» и въ глазахъ его явилось чудесное, свѣтлое выраженіе — казалось, взоромъ своимъ желалъ онъ высказать столь многое... Силы его оставили—онъ замолкъ. «Дрожь (какъ говорилъ мнѣ Половцовъ) пробѣжала по всему его тѣлу, и я уже счи-

талъ его умершимъ, но вдругъ глаза его снова открылись. Видя, что онъ, какъ будто желалъ что-то передать мнѣ, я приблизился къ нему по возможности. Умирающій опять взялъ мою руку — взора его вынести я не могъ: онъ былъ какой-то сверхъ-естественный, хотя рука его сдѣлалась холодна, какъ ледъ. «Прощай,» повторилъ онъ — «*прошу тебя, не оставь моей матери!*» И сіи священныя слова были послѣдними въ жизни — голова страдальца склонилась на плечо, колѣни подогнулись — онъ рухнулъ на палубу... Я глазамъ своимъ не вѣрилъ — все казалось мнѣ сномъ — такъ кончина друга моего была мгновенна, свѣтла и величественна!» Но на палубѣ долго оставаться было опасно. Половцовъ поднялся по снастямъ около мачты, устроилъ себѣ сидѣнье и дожидался своей будущности. Онъ жалѣлъ, что не столкнулъ въ воду трупа бывшаго своего товарища: качаясь надъ нимъ, невольно долженъ былъ онъ видѣть его ежеминутно, и нестерпимое уныніе совершенно обезсиливало его, пока вкатившаяся волна очистила однимъ разомъ весь ютъ, и трупъ Обухова, вмѣстѣ съ другими, снесла за бортъ. Маіора Зубова совершенно изуродовало волнами — оторвало ему руку и ногу, и безпрестанно било его о гикъ—столкнуть его въ море не было возможности, ибо глубина воды не позволяла къ нему приблизиться. Наконецъ какъ-то попалъ онъ подъ денежный желѣзный сундукъ, и здѣсь прекратились жизнь его и страданія.

Странно, что сундука не сбивало волненіемъ, когда тяжести болѣе значительныя безпрестанно срывало съ палубы. Передъ совершеннымъ погруженіемъ корабля, сундукъ вытащенъ, по распоряженію лейтенанта Васильева, на ютъ, и простоялъ здѣсь все остальное время.

Къ утру 1-го Сентября вѣтеръ началъ немного сти-

хать. Берега чуть виднѣлись, но едва солнце прогляну-ло, всѣ немного ожили, безпрестанно спрашивая другъ друга: не видать ли судовъ? Облака на горизонтѣ без-престанно принимали за парусъ. Казалось, бѣдствію на-шему не будетъ конца. Съ юта сбросили труповъ до со-рока. Въ числѣ ихъ были трупы штурманскаго прапор-щика Замараева, артиллерійскаго унтеръ-офицера Безу-мова, и 13-ти-лѣтняго мальчика, Морозова, ѣхавшаго изъ Архангельска, для поступленія въ кадеты Штурманскаго Корпуса.

Священникъ, безъ рясы, обвернувшись въ кусокъ па-русины, съ дарохранительницею на шеѣ, 31-го Августа находился еще на ютѣ, но кончины его никто не видалъ. Вѣроятно, его унесло волненіемъ въ ночь на первое Сен-тября. Лицо полковника Борисова приняло совершенно черный цвѣтъ. Разлучившись съ дочерьми еще при на-чалѣ бѣдствія, онъ былъ въ какомъ-то сумасшествіи, съ растрепанными волосами бѣгая по юту и ужасно стеная. Августа 31-го числа, вспомнивъ о дочеряхъ, онъ спра-шивалъ у всѣхъ, гдѣ онѣ? Никто не отвѣчалъ ему. Млад-шая уже разлучилась съ нимъ на вѣки, а старшая была недалеко, но отецъ не узналъ трупа несчастной, все еще висѣвшаго у барказа. Смерть пересилила си-лы отца къ вечеру 31-го Августа, и онъ соединился съ дочерьми. Странная была судьба семейства Борисовыхъ: въ Архангельскѣ, за два года передъ тѣмъ, одна изъ до-черей Борисова, купаясь, погибла въ водахъ Сѣверной Двины, а въ 1842 году бурный Скагеррак поглотилъ двухъ остальныхъ сестеръ ея и отца.

На ютѣ уже оставалось немного офицеровъ. Лейте-нантъ Шигоринъ 1-й, мичманы Половцовъ, Левинъ, Рен-ненкампфъ, и коммисаръ Андреевъ, похоронивъ своихъ сослуживцовъ, смиренно ожидали одинакой съ ними уча-

сти. Шигорнинъ 1-й и Репненкампфъ, спасаясь на крюйсъ-марсѣ, въ ужасной тѣснотѣ, видѣли свое опасное положеніе. Бизань-мачта съ каждымъ погруженіемъ корабля подымалась фута на полтора къ верху. Вѣроятно, выломанная палуба, гдѣ былъ утвержденъ степсъ, была тому причиною. По слабости вантъ получила она такимъ образомъ безпрестанное качанье. Клинья около нея всѣ выскочили, и уклоны ея въ сторону были по глазомѣру градусовъ до десяти. На вытягивавшейся сторонѣ вантъ трудно было держаться, и рѣдкій бурунъ проходилъ безъ того, чтобы кого нибудь не сбросило. Гикъ, задержанный на топенантахъ, и свалившійся гафель, размахиваясь по всему юту, нещадно убивали попадавшихся подъ ихъ удары. Еще при началѣ бѣдствія хотѣли употребить гикъ на плотъ, но въ торопяхъ не успѣли спять его. Длина корабельнаго гика 9-ть сажень, а діаметръ его почти полъ-аршина. Плотъ былъ сдѣланъ изъ лисселъ-спиртовъ, корронадныхъ станковъ, люковъ, и множества другихъ деревьевъ. Одинъ такой плотъ при спускѣ на воду разбило волненіемъ о корабль, и человѣкъ пять матросовъ погибли при томъ. Напрасно удерживали ихъ, уговаривали не садиться на плотъ, пока его не спустятъ на воду. Въ испугѣ и изступленіи они не слушали ни чьихъ совѣтовъ, бросились, и чрезъ минуту ни одного изъ нихъ уже не было въ живыхъ. Устроили еще два, три небольшіе плота, но только одинъ изъ нихъ удачно отвалилъ отъ корабля; на немъ отправились человѣкъ пятнадцать. Волненіе потащило ихъ въ открытое море, и черезъ часъ они скрылись отъ глазъ товарищей, оставшихся на кораблѣ. Послѣ узнали мы, что они не погибли; ихъ перехватили на купеческое судно, на которомъ и прибыли они въ Копенгагенъ.

Утро 1-го Сентября было намъ какъ будто предзна-

меновапіемъ спасенія. Яркое солнце, освѣтившее насъ, могло внушить утѣшительную мысль о могуществѣ и благости Творца, и стихавшій постепенно вѣтеръ дозволялъ намъ немного отдохнуть, но оставшіеся въ живыхъ съ какимъ-то безчувствіемъ смотрѣли на умиравшихъ, не зная, что уже близко было спасеніе.

Около 11-го, или 12-го часа утра, на горизонтѣ показались мачта, потомъ парусъ, наконецъ полный кузовъ небольшаго тендера. Между нами поднялся смѣшанный крикъ, но *ура* уже не кричали — всѣ громко читали молитвы съ какою-то надеждою на спасеніе. «Слава Тебѣ, Господи! Насъ спасутъ!» — говорили мы утвердительно другъ другу. Взглянувъ на ютъ, откуда безпрестанно сталкивали въ воду умершихъ, я удивился, какъ мичманъ Левинъ могъ тамъ удерживаться на стропъ-шхентелѣ шлюпъ-балокъ. Онъ пробылъ на нихъ нѣсколько часовъ, и незадолго передъ спасеніемъ поднялся подъ марсъ, на швейсъ-сарвень-стропы.

Уже солнце было высоко, когда тендеръ поравнялся съ бугшпритомъ корабля. Прошедши подъ носъ, онъ спустился по лѣвому борту. Пять человѣкъ матросовъ и маленькая шлюпка на рострахъ не обѣщали намъ, казалось, успѣшнаго дѣйствія, но экипажъ судна не походилъ на людей подходившихъ къ намъ брига и лоцъ-ботовъ. Первое, что обрадовало, было то, что съ тендера отвѣчали на наши мольбы и махали платками, хотя все еще дѣйствія не было никакого. Люди стояли спокойно у бортовъ, обозрѣвая мѣсто нашего бѣдствія. Одинъ рулевой, по видимому, былъ занятъ своимъ дѣломъ; онъ казался неподвижнымъ; рука его ни на секунду не оставляла румпеля. Подойдя подъ корму Шпермапланда, тендеръ вдругъ принялъ другой видъ. Уже не было видно ни одного человѣка у бортовъ его — каждый

былъ занятъ. Двое тянутъ стаксель-шхоты, двое ставятъ гикъ по длинѣ тендера, руль положенъ право, и въ одну минуту легкое суденышко очутилось на правой сторонѣ корабля. Сѣдая голова кормчаго утвердила въ насъ надежду на спасеніе, и мы не ошиблись. Четыре человѣка бросились къ шлюпкѣ на ростpахъ. Черезъ минуту она была сброшена за бортъ. Ловкость, проворство моряковъ и отличное знаніе дѣла заслуживали всякую похвалу. Бросаясь въ шлюпку, они, казалось, уже не думали о себѣ. Все вниманіе ихъ обращено было на наше спасеніе. Двое уже въ шлюпкѣ; имъ поданъ конецъ съ тендера; шлюпка гребетъ къ намъ, на ютъ корабля, гдѣ столпилось множество народа. Командиръ тендера угрюмо грозитъ топоромъ. Онъ боится, что шлюпка его погибнетъ при первомъ приближеніи къ кораблю, если народъ бросится въ нее безъ осторожности. Но никто не бросался. Всѣ ждали, пока, по требованію съ шлюпки, подали съ корабля конецъ веревки, закрѣпивъ его за переднюю банку. Шлюпка возвращается къ тендеру. Гребцы выскочили изъ нея, оставивъ ее привязанною двумя концами; съ корабля начинаютъ ее тянуть. Лейтенантъ Шигоринъ занялся перевозкою людей. Сажали въ шлюпку по десяти человѣкъ; съ тендера тотчасъ подтягивали ихъ, и по приближеніи поднимали измученныхъ по одиначкѣ на бортъ тендера. Что чувствовали спасаемые, вступая на палубу благодѣтельнаго судна? Какъ благодарили они Бога? Чѣмъ могли они отблагодарить добраго каптейна? Старикъ ничего не требовалъ. Одно пожатіе руки было ему достаточнымъ знакомъ благодарности. Перевозка продолжалась медленно. Черезъ часъ я былъ на палубѣ тендера. Хочу подойдти къ каптейну, поблагодарить его — силы меня оставили и я упалъ на палубу. Матросъ Семенъ Ивановъ бросился ко мнѣ, взялъ

подъ руки, повелъ и далъ мнѣ средство пожать руку спасителя нашего. Боль въ горлѣ не позволяла мнѣ говорить, но я видѣлъ, какъ на глазахъ старика блистали навернувшіяся слезы. Подлѣ него сидѣлъ товарищъ его съ мѣшкомъ сухарей. Только что я съ нимъ поравнялся, ко мнѣ протянулась рука его, и кусочикъ чернаго сухаря былъ мнѣ подаяніемъ благодѣтельнаго Норвежца. Я взялъ сухарь, самъ не зная для чего, ибо ѣсть ничего не могъ. Пить хотѣлось мнѣ нестерпимо. Прошу воды. Мнѣ даютъ одинъ глотокъ. Опытность капитейна много содѣйствовала къ облегченію нашихъ страданій. Намъ не давали заснуть. Мы толкали другъ друга, удерживаясь тѣмъ отъ сна — неминуемой смерти. Всѣ мы понимали заботливыя попеченія спасителей нашихъ, и хотя съ большимъ трудомъ, но исполняли ихъ совѣты, и даже строгія приказанія. Каждому при спасеніи давали они по полурюмкѣ водки. Выпить ее было ужасное мученіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и необходимость, ибо она замѣтно согрѣвала. Два глотка воды ограничивали все успокоеніе мучительной жажды, ибо полное удовлетвореніе ея причинило бы намъ величайшій вредъ. Мокрое бѣлье и платье замѣнить было нечѣмъ, и оно просыхало на нашихъ плечахъ. Краткость времени, когда снаряженъ былъ тендеръ для отправленія къ погибшему кораблю, и неожиданность случая, не позволили сдѣлать нужныхъ распоряженій, ибо каждая минута времени была дорога. Въ полночь на 1-е Сентября тендеръ вышелъ изъ города Мандаля, и не зная гдѣ находится бѣдствующій корабль, правилъ курсъ на удачу. Встрѣтившіеся на пути два небольшіе бота разсказывали, что видѣли, какъ несло корабль мимо ихъ острова, и они хотѣли подать помощь, но сила вѣтра воспрепятствовала имъ.

Чувство состраданія въ душѣ почтеннаго капитейна

взяло верхъ надъ сознаніемъ опасности, какой подвергался онъ на своемъ маленькомъ суднѣ въ бурныя Сентябрскія ночи на опасномъ Скагерракѣ. Провидѣніе довело его къ намъ. Въ десять часовъ утра 1-го Сентября онъ примѣтилъ на горизонтѣ небольшую мачту, но корпуса еще не было видно. Полагая, что это дѣйствіе рефракціи, которая приподняла единственную мачту какого нибудь тендера, не обратилъ онъ сначала никакого вниманія, и продолжалъ курсъ, ведущій мимо. Зрительная труба его была безсмѣннымъ сторожемъ. Уже подходилъ онъ къ мысу Листеру, отстоящему отъ Мандаля на 35-ть Итальянскихъ миль, осматривая все кругомъ, и ничего не замѣчалъ. Общее было удивленіе, когда вдругъ одинъ изъ экипажа тендера примѣтилъ на приближавшейся мачтѣ вѣющіе клочья разноцвѣтнаго флагдука. «Тутъ,» какъ говорилъ каптейнъ, «сомнѣніе исчезло, и я догадался, что здѣсь точно былъ потонувшій корабль. Я возблагодарилъ Бога, что желанная цѣль скоро достигнется, поставилъ всѣ возможные паруса — отвага въ настоящемъ случаѣ необходимая. Тендеръ сильно клало на бокъ, но какъ будто чувствуя свое доброе назначеніе, быстро летѣлъ онъ къ кораблю. Приближаюсь и—сердце облилось кровью! Корабль былъ весь въ водѣ. Погибавшій экипажъ загромоздилъ всю мачту и бугшпритъ, остававшіеся надъ водой. Видя, что мнѣ машутъ флагдугомъ, къ успокоенію погибавшихъ велѣлъ я отвѣчать тѣмъ же.» Такъ скромно разсказывалъ о подвигѣ своемъ добрый каптейнъ.

Перевозка людей на тендеръ продолжалась три часа. *Сто семдесятъ человѣкъ* было снято съ нашего корабля. Къ полудню подоспѣла къ намъ шхуна и занялась также спасеніемъ погибавшихъ. По недостатку мѣста на тендерѣ, не имѣя возможности забрать болѣе людей,

при опасномъ положеніи спасенныхъ имъ, нашъ капитанъ принужденъ былъ оставить шхуну, тѣмъ болѣе, что на горизонтѣ показался пароходъ. Полагая, что онъ сниметъ остальныхъ, капитанъ тендера — имя его, незабвенное для насъ, *Николай Николайсенъ* — пользуясь попутнымъ вѣтромъ, отправился къ Мандалю. Спасенные всѣ были спущены въ трюмъ. Тѣснота и испаренія отъ мокрой одежды производили усыпленіе и головную боль, а потому насъ безпрестанно выводили по нѣскольку человѣкъ на палубу, гдѣ оставаться долго также запрещалось. Капитанъ и его команда раздали намъ все свое платье и бѣлье, поили насъ теплымъ джинбиромъ непріятнаго вкуса, но онъ облегчалъ боль въ горлѣ, послѣ чего могли мы глотать по нѣскольку крошекъ чернаго сухаря, необходимыхъ для поддержанія жизни. Двои сутки пробыли мы безъ пищи и питья. Наступившая вечеромъ прекрасная погода и стихавшій вѣтеръ позволили капитану выпустить страждущихъ на верхъ и допустить имъ оставаться далѣе положеннаго срока. Кто былъ въ силахъ, тотъ помогалъ другимъ, совершенно потерявшимъ силы. Офицеровъ вынесли матросы. Меня помѣстили на кормѣ. Первою мыслью моею было желаніе взглянуть на остатки Ингерманланда. Маловѣтріе, какъ будто нарочно, медленно разлучало насъ съ драгоцѣннымъ намъ кораблемъ. Мачта его еще видѣлась на горизонтѣ. Сотни косатокъ стремились туда съ разныхъ сторонъ. Сколько чувствъ заволновалось въ душѣ моей, когда я вспомнилъ, что два дни тому тридцать пять человѣкъ составляли общество нашей корабельной каютъ-компаніи — теперь насъ было только девять. Гдѣ остальные? Встрѣчу ли кого изъ нихъ въ здѣшнемъ мірѣ?

Нетерпѣніе достигнуть скорѣе берега обнаружилось

во всѣхъ насъ. Наступавшая ночь страшила насъ неизвѣстностью. Къ 10-ти часамъ вечера сдѣлался штиль; тендеръ едва подвигался впередъ, но уже первою наградою за всѣ испытанія наши было то, что ночь была необыкновенно прелестная и ни одинъ шквалъ не потревожилъ насъ до самаго утра. Мертвенный цвѣтъ лицъ нашихъ увеличивался. Сонъ не имѣлъ на насъ своего благодѣтельнаго дѣйствія, ибо кому удавалось вздремнуть нѣсколько минутъ, тотъ бредилъ, и вздрагивая пробуждался. Малѣйшій стукъ, или ударъ, производили во всемъ тѣлѣ какое-то болѣзненное потрясеніе. Утромъ слѣдующаго дня попутное маловѣтріе примѣтно подвигало насъ къ цѣли плаванія. Небольшія суда встрѣчались намъ по разнымъ направленіямъ. Вѣковые граниты Норвегіи обозначали вдали свой красноватый цвѣтъ. Дикій видъ ихъ не обѣщалъ удобной, или по крайней мѣрѣ, довольной жизни обитателей, но главная мысль была: какъ насъ примутъ, и какъ пособятъ больнымъ? Черезъ нѣсколько минутъ радость явилась на всѣхъ лицахъ людей, бывшихъ на тендерѣ. Обогнувъ одну изъ высокихъ скалъ, мы вошли въ шхеры. Передъ нами на берегу рисовалось множество бѣлыхъ домиковъ, разбросанныхъ въ живописномъ безпорядкѣ. Капитанъ, указывая на одну изъ горъ, съ обычною угрюмостью пробормоталъ что-то на своемъ языкѣ. Рѣчь его въ переводѣ значила: «Тамъ городъ, а вотъ и церковь.» И точно—маленькій шпицъ уже виднѣлся сверху горы, и только что миновали мы ее, начали открываться смежные домы, разбросанные безпорядочно. Темный цвѣтъ горъ составлялъ противоположность бѣлымъ, какъ снѣгъ, домамъ, съ ихъ красными крышами.

Деревянная набережная была усѣяна зрителями, собравшимися не изъ одного любопытства. Люди со-

2007043082